

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

І Ю Л Ъ .

1877.

192
1877

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛШЕВА

Възгорск. каналъ, между Волес. и Маринскихъ мостами, д. № 90-1.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	
Равенна и ея древности	О. С.
Варяги-Русь и Балтійскіе Славяне	І. Первольфа.
По вопросу о іудейскихъ древностяхъ, найденныхъ Фирковичемъ въ Брину	А. Гаркави.
Византійскія повѣсти и Варлаамъ и Іоасафъ	А. Веселовскаго.
О древней культурѣ Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка	
Наша учебная литература	
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты	
Вопросъ о преподаваніи статистики на Пензенскомъ статистическомъ конгрессѣ 1876 года	С. Матвѣева.
Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.	

(См. на 3-й стр. обертки)

ВАРЯГИ-РУСЬ И БАЛТИЙСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе *С. Геденова*. Два тома. С.-Пб. 1876.
Исторія русской жизни. Соч. *Ив. Забѣлина*. Т. 1. М. 1876.

Древнѣйшій періодъ исторіи всѣхъ народовъ исполненъ разныхъ басней; недостатокъ достовѣрныхъ событій замѣняютъ болѣе или менѣе запутанныя преданія или просто выдумки, какъ самого народа, такъ и писателей-лѣтописцевъ.

Возьмемъ хоть древнѣйшую исторію *Славянъ*. Какое разнообразіе преданій! Многочисленныя праотцы Чехъ, Лѣхъ, Русъ, Хорватъ, Кракъ и его дочери Ванда, Любуша, Казя, Тета, Попель и мнози; старинныя преданія о поселеніи Словѣнъ въ дупайскихъ странахъ, откуда они вслѣдствіе нападснія Волоховъ распространились на сѣверъ за Карпаты, и проч. и проч.—вотъ чѣмъ наполнено начало исторіи западныхъ, южныхъ и восточныхъ Славянъ. Этими-то преданіями и воспользовались первые славянскіе лѣтописцы, когда почувствовалась потребность записать кое-что изъ прошлаго. Но эти лѣтописцы, книжники-монахи, не всегда довольствовались простыми разказами своихъ стариковъ, и стали—по крайней мѣрѣ иногда—украшать преддверіе своихъ лѣтописей разноцвѣтными доскутками внижнихъ премудростей, почерпаемыхъ то изъ еврейской, то изъ римской и греческой исторіи. Такимъ образомъ Славяне очутились на Сенарской равнинѣ, откуда они перешли въ дунайскія страны; такимъ образомъ Александръ Македонскій, Юлій Цесарь, Крассъ, Римляне и Галлы являются у Ляховъ—подлѣ національныхъ героев Лестьковъ, Крака и Попела, а у южныхъ Славянъ Сенуладъ, Остроилъ и Готы—подлѣ равныхъ Доброславовъ, Павлиміровъ, Хвалиміровъ и проч. Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; каждый новый лѣтописецъ старается перещеголять своихъ предшественниковъ, а къ Александру и Юлію Цесарю присоединяются сыновья Іафета, Мосохъ, Асармозъ и проч. Знакомство съ пи-

сателями греческими и римскими выводитъ на сцену славянской исторіи Скивовъ, Сарматовъ, Гетовъ, Трибалловъ, Иллировъ, Маркомановъ, Квадовъ, Вандаловъ и проч. Надо замѣтить, что славянскіе лѣтописцы считаютъ свои народы автохтонами, или по крайней мѣрѣ, первыми обитателями занятыхъ ими земель; такъ думаютъ чешскіе лѣтописцы—Косьма, Далимилъ, Пулкава, польскіе—Галлъ, Кадлубекъ, Длугошъ, и русскій лѣтописецъ (Несторъ). Знакомство съ Геродотомъ, Страбономъ, Тацитомъ, Птолемеемъ и др. навело славянскихъ, или писавшихъ о Славянахъ, историковъ на другую мысль. Такъ, напримѣръ, съ XV—XVI вв. въ исторической наукѣ начало преобладать мнѣніе, что западные Славяне, именно Чехи и полабско-балтійскіе Славяне, не автохтоны занимаемыхъ или земель, а позднѣйшіе пришельцы, преемники германскихъ, свевскихъ Маркомановъ (а эти — преемники гальскихъ Боиевъ), Квадовъ, Вандаловъ, Сеноновъ, Руговъ, и другихъ племенъ. Это мнѣніе сдѣлалось, такъ сказать, историческою аксіомой не только въ нѣмецкой историографіи, но и у самихъ славянскихъ ученыхъ, напримѣръ, у Шафарика, Палацкаго, Воцела и проч. Всякое отклоненіе отъ этихъ гипотезъ считалось, да и считается историческою ересью. Но не смотря на вѣскіе голоса авторитетовъ въ родѣ Шафарика, отщепенцевъ отъ общепринятыхъ мнѣній является все больше и больше — какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Славянъ. Главный представитель этой исторической ереси никто иной, какъ почтенный чешскій ученый А. Шембера. Онъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „Западные Славяне въ правѣхъ“ (Вѣна, 1868), рѣшительно возстаеъ противъ общепринятаго мнѣнія, будто Ляхи, полабскіе и балтійскіе Славяне, Чехи, Мораване, Словаки и Словенцы, прибыли въ свои земли только въ V—VI вв., и будто до нихъ жили въ земляхъ побалтійскихъ, полабскихъ, поодрянскихъ, повислянскихъ и альпійскихъ народы не славянскіе, Германцы-Севны и Галлы или Кельты. Шембера справедливо спрашиваетъ, *гдѣ* замѣтны слѣды тѣхъ германскихъ народовъ? Географическая номенклатура въ тѣхъ земляхъ до XII—XIII вв., то-есть, до громадной нѣмецкой колонизаціи, — чисто славянская; языки Чеховъ, Мораванъ и Словаковъ, Лужицкихъ Сербовъ, польскихъ и балтійскихъ Ляховъ носятъ характеръ чисто славянскій, а нѣмецкая примѣсь (лексикальная) здѣсь позднѣйшаго происхожденія. Страбонъ, Тацитъ, Птолемей и другіе знаютъ въ тѣхъ земляхъ, уже въ началѣ нашей эры, между прочимъ, племена Вариновъ, Мугилоновъ, Луговъ, Корконтовъ, Банмовъ, Ракатовъ (два племени: на рѣкѣ „Днѣ“ и „въ поляхъ“), а черезъ нѣсколько вѣковъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ

являются племена Варповъ, Могиланъ, Лужанъ или Лужичанъ, Ракоусовъ (опять два племени: у рѣки Дни и Ракоусовъ-Полянъ); названіе Коркоитовъ сохранилось въ названіи горъ Корконошскихъ, а Баммами продолжаютъ чужеземцы называть Чеховъ (Воеті, Воетани, Вѣитен). О славянскомъ характерѣ словъ варны (враны, вороны), могила, дуги, рако-усы (срав. толсто-усы, черво-усы), корко-ноши, (то-есть, шее-ноши), не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія.

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми частностями мнѣній Шемберы, но самая мысль его и его научные приемы заслуживаютъ полнаго вниманія. Вліяніе Шемберы замѣтно уже на книгѣ польскаго ученаго Войцѣховскаго (Chrobаса, 1873). Во всякомъ случаѣ мысли почтеннаго чешскаго ученаго больше приближаются къ исторической истинѣ, чѣмъ, напримѣръ, мнѣнія польскихъ историковъ Шайноки и Вѣлѣвскаго о происхожденіи Ляховъ - Лехитовъ; первый дѣлаетъ ихъ Скандинавами, а второй—выходцами ихъ южныхъ странъ, изъ Иллиріи; первый связываетъ начало польской и чешской исторіи съ норманскими „Ляхами“—дружинниками, а другой называетъ свои фантазіи „критическимъ введеніемъ въ исторію Польши“.

А что сказать о *древнѣйшей исторіи Руси*? Варяги и Русь, Варяго-Русь или Русо-Варяги — вотъ краеугольный камень всей древней исторіи восточной Славянщины. Русь, Варяги, или лучше сказать, Варяго-Русь—скандинавскіе Норманы,—это сдѣлалось такою же историческою аксіомой, какъ вышеупомянутыя гипотезы о кельтскихъ Воіахъ и о германско-свевскихъ народахъ въ полабскихъ и поодрянскихъ земляхъ. Всякій, кто не вѣрилъ въ норманскую гипотезу, въ скандинавское происхожденіе Варяговъ и Руси, прослылъ за еретика. Русь, Русская Правда, боляринъ или бояринъ, вервь, градъ, рядъ, полкъ, весь, навь, смердъ, вѣно и проч., все это оказывается поклонниками Одина и Тора, да и этотъ послѣдній житель Валгалы едва-ли не переселился на берега Днѣпра, перемѣнивъ только фамилію въ Перуна. Все дѣлали на Руси скандинавскіе Норманы: они воевали, грабили, издавали законы, а тѣ несчастные Словѣне, Кривичи, Сѣверяне, Вятичи, Поляне, Древляне только и дѣлали, что платили дань, умикали себѣ женъ, играли на гусляхъ, плясали и съ гнѣвомъ ходили за плугомъ, если не жили совсѣмъ по скотски.

Такъ это было въ блаженные времена Шлѣцера, Карамзина, Круга, Погодина; да и самъ осторожный Шафарикъ прозвалъ противниковъ норманской теоріи предубѣжденными невѣждами. Но въ послѣднія времена поборники норманской теоріи значительно усми-

рились; храбрѣйшій изъ нихъ ушелъ въ Валгалу, съ ужасомъ смотря на размножившіяся историческія ереси. Благодаря изслѣдованіямъ этихъ противниковъ норманской теоріи, въ исторической наукѣ все больше и больше упрочивается мнѣніе, что *Варяги* и *Русь*—племена совершенно различныя. *Русь*—по всей вѣроятности племя славянское, южно-русское, производившееся еще въ X вѣкѣ отъ миновскаго князя Руса. Эти *Русичи*—вѣроятно, Кіевскіе Поляне, носившіе еще позже, въ XII вѣкѣ, названіе „Руси“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ: „Поляне, яже нынѣ зовома Русь“,—какъ выражается лѣтописецъ. Что касается *Варяговъ*, то они не туземцы, а пришлецы съ запада, изъ скандинавскихъ странъ, съ Варяжскаго моря, по которому „сѣдять Варяги, Ляхове, Пруси и Чюдь“. Мы нисколько не намѣрены пуститься въ этотъ варяжскій лабиринтъ, не смотря на нитку Аріадны, свитую акад. Куникомъ (примѣчанія къ соч. акад. *Дорна*: Каспій, 1875), и остановимся только на одной сторонѣ этого вопроса.

Въ числѣ разныхъ мнѣній о Варягахъ и Руси появилось и такое, что Варяги и даже Русь—*выходимъ изъ Балтійскихъ Славянъ*. Это мнѣніе высказывалось нѣсколько разъ еще съ прошлаго вѣка (Тредіаковскій, Ломоносовъ, Каченовскій, Вепелингъ, Морошкинъ) и нашло себѣ защитниковъ въ новыхъ сочиненіяхъ С. А. Гедеонова и И. Е. Забѣлина. Объ этой-то *балтійскославянской теоріи* происхожденія Варяговъ и Руси мы намѣрены здѣсь поговорить.

Не соглашаясь съ мнѣніемъ обоихъ почтенныхъ ученыхъ, мы, разумѣется, отдаемъ полную справедливость достоинствамъ ихъ интересныхъ трудовъ. *Отрицая* гипотезу о балтійско-славянскомъ происхожденіи Варяговъ и Руси, мы будемъ придерживаться по большей части *негативнаго* способа изложенія, то-есть, укажемъ на *несостоятельность* мнѣній обоихъ ученыхъ, и постараемся ихъ опровергнуть.

Балтійскими Славянами называются Славяне, поселившіеся по Балтійскому морю, на востокъ отъ Лабы (Лаба, Эльбы) далеко за нижнюю Одру. Главныя ихъ отрасли были *Ободричи* (*Бодричи*), *Велеты* или *Лютичи* и *Поморяне*; всѣ они распались на много мелкихъ племенъ¹⁾. Эти племена составляли часть того національнаго

¹⁾ Балтійскимъ Славянамъ поведало въ русской литературѣ. Ихъ исторія и ихъ бытъ описаны *Гильфердингомъ* (Исторія Балтійскихъ Славянъ, ч. I), *Павицкимъ* (Полабскіе Славяне), *Лебедевымъ* (Последняя борьба Балтійскихъ Славянъ), *Котляревскимъ* (Древности права Балтійскихъ Славянъ, т. I), и авторомъ этой

цѣлаго, которое простиралось отъ Балтійскаго моря на югъ чрезъ земли полабскія, поодрянскія и повислянскія до Карпатовъ, и которое — по примѣру русскаго лѣтописца — можно называть народомъ *ляшко-славянскимъ*: „Словѣни пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне“. Это національное единство всѣхъ Ляховъ помнили въ Польнѣ еще долго, до XV вѣка, и позже ¹⁾. Оно проявляется въ разныхъ областяхъ ихъ быта; отличительнымъ знакомъ ихъ языка служитъ полное господство носовыхъ звуковъ (ж — ѡ, л — ѣ), чего въ языкѣ южныхъ и восточныхъ сосѣдей Ляховъ, отрасли полабско-сербской, чешско-словенской и русской, или совсѣмъ нѣтъ, или же эта особенность составляетъ тамъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе. Ляховъ раздѣлила исторія на двѣ половины. Восточная ихъ половина, племена, жившія на верхней Одрѣ и по Вислѣ, Слѣзане, Хорваты, Поляне, Мазовшане и восточные Поморяне, сгруппировались около князей племени *Полянъ* и составили, въ теченіе времени, одно политическое и національное цѣлое, *Польшу, народъ польскій*. Между тѣмъ западные Ляхи такого политическаго и національнаго единства не достигли; у нихъ упрочилось племенное раздробленіе, а политическаго и національнаго единства не составилось. Это-то раздробленіе и было главною причиною паденія независимости западныхъ Ляховъ. Послѣ вѣковой борьбы съ Нѣмцами, Балтійскіе Славяне наконецъ падаютъ, дѣлаются подданными своихъ заклятыхъ враговъ и съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезаютъ.

Гг. Гедеоновъ и Забѣлинъ, принимая разказъ русскаго лѣтописца по Лаврентьевскому списку буквально, вѣрятъ въ призваніе *Варяжскихъ князей* сѣверо-восточными Славянами, подъ *Варягами* же они разумѣютъ не скандинавскихъ Нормановъ, а *Балтійскихъ Славянъ*. Оставляя въ сторонѣ разныя мнѣнія о Варягахъ (срв. у Гедеонова гл. V.), остановимся, во первыхъ, на предлагаемомъ г. Гедеоновымъ объясненіи этого слова. Г. Гедеоновъ сомнѣвается, чтобъ всѣ славянскія слова, заканчивающіяся суффиксомъ — *ang*, были заимствованы изъ германскихъ нарѣчій. Не всѣ, но почти всѣ. Слова, оканчивающіяся на — *лгъ* — *лзъ* (русск. — *ль*, — *лзъ*) перешли въ славянскій языкъ изъ германскаго, отчасти съ сохраненіемъ кореннаго

статьи (Германизация Балтійскихъ Славянъ). Срв. тоже Слав. древности *Шафарика*, §§ 43, 44.

¹⁾ См. наше соч. Славянская взаимность, 202.

г, отчасти съ переименованіемъ его въ з; такъ, напримѣръ, изъ герм. *Kuning*—слав. кѣнѣгъ (срв. кѣнѣгѣни), или кѣнѣзь (польск. *Książdz*, у другихъ Славянъ князь, кнѣзь), *Vithing*—вѣтѣзь, *penning*—пѣнѣзь (польск. *pieniądz*) *skilings*—шѣлѣгъ, (польск. *szeląg*), *aushahrings*—усерѣгъ, усерѣзь. и пр.; такъ и изъ германск. *Varing*, *Vaering*—слав. Варѣгъ, русск. Варягъ ¹⁾. Славянскихъ словъ съ такимъ окончаніемъ найдется не много, напримѣръ, польскія названія мѣстъ *Raciądz*, *Kołodziądz*, *Grudziądz*, *Goniądz* (русск. Гонязь); *pstrąg* (др.—слов. пѣстрѣгъ, оттуда и мадыарск. *pisztrang*), работѣгъ.

Слово Варягъ г. Гедеоновъ производитъ изъ балтійско-славянскаго языка, куда оно понало изъ нѣмецкаго. Около 1700 г. проживали на нижней Эльбѣ, въ люнебургскомъ Вендландѣ, послѣдніе остатки полабско-балтійской Славянщины, говоря на страшно испорченномъ славянскимъ нарѣчїи (срв. наше соч. Германизація балтійскихъ Славянъ, 39). Въ числѣ записанныхъ тогда природными Нѣмцами люнебургско-славянскихъ словъ находится тоже: *waro*, *warang*—*Schwert*, *Degen* (мечъ, шпага), изъ нѣмецк. *Wehr* (*Gewehr*). Напрасно г. Гедеоновъ (стр. 168) старается строго отдѣлать эти два слова. Форма *warang* можетъ быть винит. пад. отъ *waro*; срв. *worno* (варна, ворона)—*wornung* (ворнѣ), *teisko* (стукъ)—*teiskong*, *dewa* (дѣва)—*dewong*, *korwo* (корова)—*korwung*, *dumpro* (крещеніе)—*dumprung*, *simia* (земля)—*simang*, *nidelja* (недѣля)—*nidelang*, *daussa* (душа)—*dausang*, и пр. Но *warang* можетъ быть и уменьшительное отъ *waro*, какъ напримѣръ, *büg* (богъ)—*büsang* (божѣ), *med* (медъ)—*madang*, *witser* (вечеръ)—*witserang*, *worno*—*wornang* (ворнѣ), и пр. Г. Гедеоновъ сомнѣвается въ объясненіяхъ Шлейхера, единственнаго филолога, разработавшаго это испорченное славянское нарѣчїе научнымъ образомъ (*Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache*), и считаетъ напримѣръ, форму *witserang*—какъ уменьшительное отъ слова вечеръ—невозможною ни по значенію, ни по грамматической формѣ, ни по законамъ славянской лингвистики. Но въ этомъ испорченномъ славянскомъ нарѣчїи, такихъ „невозможныхъ“ формъ найдется довольно, которыхъ напрасно будемъ искать въ другихъ нарѣчїяхъ славянскихъ; напримѣръ, *jang*—естъ, *tung*—тъ, тотъ, *sung*—съ, сей.

Но считаемъ ли мы слово написанное <*warang*>—винит. падежемъ,

¹⁾ Гедеоновъ (стр. 188) называетъ поморскій монастырь *Collbaz*, *Collbas*—«кобязскимъ», намекая, вѣроятно, на русск. *Колбязь*; но въ такомъ случаѣ Балтійскіе Славяне произносили бы *Collbenz*, *Collbens*, а эта форма не встрѣчается.

или уменьшительнымъ отъ *waго*,—это для нашей цѣли все равно; буквами—*ang* передается здѣсь только носовой звукъ *Ń* или *Ń* (польск. *ц*, *ѣ*), а вовсе не окончаніе — *агъ*,—*агъ*; срв., кромѣ вышеприведенныхъ, *tjenangs* (кѣнѣзъ), *sojangs* (зоиѣцъ), *jeimang* (яѣмѣ), *mangsi* (мѣси), *jungsik* (лѣзыкъ) и пр. Слово *rojanek*, то-есть, поѣкъ, паукъ, польск. *rajaek*) сюда не идетъ, такъ какъ въ немъ—*janek* коренное—*ѣкъ*. Наконецъ, *warang* означало просто „мечъ“ (*Schwert*, *Degen*), и уже поэтому нельзя формѣ „*warang*“ приписывать значеніе „мечника“. Если такое слово и существовало въ этомъ языкѣ, то оно явилось бы въ формѣ *warnik*; срвн. *sgiwnik* (сапожникъ отъ *sgiw*, черевикъ), *klübensnik* (*klübenk*, клобукъ, шляпа), *zimnik* (подземный духъ, отъ *zimja*, земля), *waknik* (*waknū*, окно), *raibnik* (*raibo*, рыба), *malnik* (мельникъ), и пр. Въ числѣ фамилій овѣмеченныхъ люнебургскихъ славянъ встрѣчается и *Wagneik*, и этотъ суффиксъ—*икъ* видѣнъ и въ названіяхъ мѣстъ Копиники, Пецники, Рудники, Душники, взятыхъ отъ занятій и характера зрителей (срв. Германизация Валтійскихъ Славянъ, 27, 65). Съ мнимымъ словомъ *warang* = *wagag* надо разстаться, и слово *Варягъ* имъ нисколько не объясняется.

Русскіе же слово *Варягъ* никогда и не произносили съ носовымъ звукомъ, котораго въ русскомъ языкѣ—на сколько онъ намъ извѣстенъ въ историческое время по письменнымъ памятникамъ — не было, кромѣ, пожалуй историческихъ формъ въ родѣ *время*, *времени* (*Колосовъ*, *Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка*, 29). Слово *Варягъ* Русскіе произносили безъ носоваго звука, какъ напримѣръ, сентябрь, ноябрь, Корлягъ, мятль, щялягъ (шелягъ), стягъ и др. изъ чужихъ *septembrius*, *noembrius* (чрезъ др.-слов.), *Karoling*, *mantile*, *schilling*, *stange*, и пр. Если, напримѣръ, Византійцы Константинъ Порфирогенитъ и Левъ называютъ русскаго Святослава — Сѣвѣтославъ (*Σφειδοσλαβος*), то носовой звукъ надо объяснить болгарско-славянскимъ вліяніемъ, какъ и другія подобныя формы *Σφειδοσλοχος* — моравскій Сѣвѣтоплукъ, *Тѣвѣтѣ* — хорватско-сербская Цетина и пр. Лихи (балтійскіе и повислянскіе) произносили *Варягъ*—по законамъ своего нарѣчій—съ носовымъ звукомъ, какъ видно изъ названія села *Wagensin* у лютичскихъ Чрезвѣнчанъ съ XII в.), то-есть, *Варѣжинъ* (если такъ читать по формамъ *Warnizhine*, *Warentin*, *Wagenscin*, *Wagensin*), и польскихъ мѣстъ *Wagęz*—*Варѣжъ*, и *Wagęzun*—*Варѣжинъ*. Но этихъ названій нельзя считать остаткомъ или колоніей *Варяговъ*; въ такомъ случаѣ мѣста назывались бы *Варяги*; срв. у Валтійскихъ Сла-

влянь села Карваты, Морачане, Суслы, Дравяне, и пр. — отъ Хорватовъ, Морачанъ, Сусловъ, Дравянь-Древнянь. Варѣжинъ и Варѣжъ — это прилагательныи отъ имени лица Варѣгъ, какъ и Сербино, Чехово, Краковъ, Варѣтинъ, Славѣтинъ, Доморазъ, Быдгощъ, Собѣдражъ, Русовъ, Русиновъ, Русиновичи, отъ именъ лицъ Сердъ, Чехъ, Кракъ, Варѣга, Славѣта, Доморадъ, Быдгость, Собѣдрагъ, Русъ, Русинъ. Варягомъ же могъ назваться выходець изъ Варягъ, поселившійся между Балтійскими Славянами, равнымъ образомъ какъ находимъ у всѣхъ Славянъ имена лицъ: Варяжко (мужъ Ярополка), Ляпко (убійца Бориса), Чешко (сокольникъ Ивана Калиты), Сербъ, Хорватъ, Чехъ, Полякъ, Русъ, Русинъ, Угринъ, Влакъ, Торчичъ, Чудинъ, Куманъ, Печенѣгъ, и пр.

„Варяговъ“ считаетъ Балтійскими Славянами и г. Забѣлинъ (стр. 134). Русскій лѣтописецъ называетъ Балтійскихъ Славянъ прямо, и какъ мы видѣли, вполне основательно (а не ошибочно, какъ кажется г. Геденову), вообще *Ляхами* ¹⁾. „Лихове же Пруси и Чюдь, присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо къ вѣстоку“. По послѣднимъ названо Балтійское море — Варяжскимъ, какъ оно или его восточная часть нѣсколько столѣтій до русскаго лѣтописца называлось „Венедскимъ“, хотя по его берегамъ не сидѣли одни только Венеды, а также Литва и Чудь. Изъ приморскихъ Ляховъ русскій лѣтописецъ приводитъ только два главныя племени, Лютичей и Поморянь, равнымъ образомъ какъ изъ ляхскихъ племенъ по Вислѣ приводитъ только Полянъ и Мазовшанъ. Ободритовъ или Бодричей и Стодорянь лѣтописецъ не приводитъ, какъ не приводитъ и Слязанъ съ Хорватами; еще меньше можно ожидать, чтобы лѣтописецъ зналъ такія мелкія племена, какъ, напримѣръ, Вагры, Рана или Руяна. Всѣ эти мелкія племена балтійскаго поморья, начиная съ устья Свѣтныи и кончая устьемъ Вислы, русскій лѣтописецъ подразумѣваетъ подъ именемъ Ляховъ; западная половина — Лютичи, восточная — Поморяне. Не удивительно, что русскій лѣтописецъ не знаетъ, напримѣръ, Бодричей по имени, причисляя ихъ къ Лютичамъ: вѣдь еще около половины XI вѣка считаетъ же одинъ нѣмецкій лѣтописецъ городъ Люнебургъ лежащимъ на рубежѣ Саксовъ и Лютичей — in confinio Saxonum et Luticiogum (Lambert. Hersfeld.

¹⁾ На невѣрное толкованіе г. Геденовымъ словъ лѣтописи: «мы (князья) осмы ни Угре, ни Ляхове» (стр. 456) указалъ уже г. Костомаровъ (*Русская Стѣна* 1877 г., I, 180).

пр. *Ierts*, Monum., Script., V, 200); а между тѣмъ Люнебургъ отдѣляли отъ Лютичей племена Бодричскія. Поэтому нечего искать Варяговъ между Ляхами, Лютичами и Поморьянами русскаго лѣтописца.

Балтійская Славянщина — благодаря ея безконечнымъ войнамъ съ Пѣмцами и Скандинавами—намъ очень хорошо извѣстна; всѣ ея племена, знаменитыя и мелкія, ихъ жилища, города и пр. извѣстны до мельчайшихъ подробностей. А о „Варягахъ“ въ тѣхъ странахъ намъ ничего неизвѣстно; вышеупомянутаго селенія Wagensin нельзя считать даже ихъ слѣдомъ.

Г. Забѣлинъ подіялъ высказанную еще Герберштейномъ (а послѣ него и другими) мысль, что имя Варяговъ сохранилось въ названіи *Вагровъ*, племени бодричскаго, занимавшаго сѣверо-восточный уголъ нынѣшней Гольштиніи, между моремъ и рѣками Свѣтныей и Травной. (срв. Гермапизація Балт. Славянъ, 119—128). Но это имя пишется всегда *Wagri*, *Waigri*, *Wagiri*, *Wagria* и пр., и *никогда* не пишется *Wargi*, *Wargi* и пр. (русское Варягъ произносили бы Бодричи *Wageng*, *Warang*). Уже Гильфердингъ хорошо объяснилъ это племенное названіе, савскр. *waara*, нѣм. *wacker*, слав. *ваз* (въ от-*вага*, обл. русск. *уарь*, *уарь*—отчаянный парень, буянъ), что соответствуетъ восхваляемой лѣтописцемъ Гельмольдомъ храбрости этого племени. Судя по племеннымъ названіямъ и словамъ Мазуръ, Ратаръ, граничаръ, лугаръ, копаничаръ, единств. число отъ *Wagri* было, вѣроятно, *Вагаръ* (*Вагарь*) или *Вагаринъ*. Вагры, Лютичи, Велеты, Ратары, всѣ эти и подобныя имъ имена указываютъ на храбрый и воинственный характеръ Балтійскихъ Славянъ. Но Вагры были *Вагры*, а не *Варги*, и не *Варни*, и всего меньше *Варяги*. Скандинавы могли называть Вагровъ Варгами, то-есть, волками (*wargr*), разбойниками, хищниками и проч., но они ихъ такъ *не* называли; Датчане — по свидѣтельству Саксона—называли Вагровъ *Brammesii* (?), а главный ихъ городъ *Старгардъ* (по нѣмец. Aldenburg) — *Brandenburg*. Слово *варгъ* (соотвѣтствуетъ слову *врагъ* другихъ Славянъ, какъ, напримѣръ, варнъ=врагъ, бергъ=брегъ, гардъ=градъ даргъ=драгъ) было извѣстно и балтійскимъ Славянамъ, какъ видно изъ именъ *Wargina*, *Wargus*, *Wargenta*; по слова *варгъ* и происходящихъ отъ него названій опять-таки нельзя смѣшивать (какъ это дѣлаетъ г. Забѣлинъ) съ словами *вархъ* (верхъ, древянск. вархъ, вархни, варсакъ=вершокъ), или *веркъ*, *връкъ* (срв. *Werchemile*, *Wirhen*), *варшъ* (*Warsiu*, *Warsowe*). Что же касается имени *Варни*, то это было совсѣмъ другое племя, сидѣвшее по рѣкѣ Варнавѣ (нынѣшней *Wagnow*); балтійско-слав. *варнъ*=

польск. *вронъ* = чешск. *вранъ* (русск. *воронъ*), какъ и гаварнъ = гавронъ = гавранъ. Если не считать свевскихъ Вариновъ, то имя этого бодричскаго племени является въ XI — XII вв. подъ чисто славянскою формою *Wagnavi, Wagnabi* = *Варнови, Варнове, Варни* (какъ *Weletabi* = *Велетови, Велетове, Велеты*). А Варнами (Воронами) могло назваться племя Бодричей, какъ и Рароги (соколы), Суслы, Вепрево, Туры, Турно (названія бодричскихъ земель), Волки, Волчки (Лютичи — лютые) и др.

И такъ, видимъ, что *Вагровъ, Варновъ, Варновъ* и *Варяговъ* смѣшивать *нельзя*. А отъ этихъ Вагровъ, Варговъ, Варновъ Балтійское море *не могло* прозываться *Варяжскимъ*. Что такъ думали во времена Герберштейна (XVI в.), что еще чешскій профессоръ Іоаннъ Судетскій (1614—1616 гг.) производилъ „Варецкое“ море отъ Вагровъ, это понятно; но думать такъ во времена Востокова, Шафарика, Срезневскаго и Миклошича не позволительно. Едва ли согласится почтенный авторъ, напримѣръ, съ тожествомъ именъ Забѣлинъ, Залабакъ (чешская фамилія, то-есть, житель Залабья) и Завулоновъ.

Г. Забѣлинъ съ „Варягами“ связываетъ еще два названія, — *Видиваріевъ* и *Ворановъ* или *Борановъ*. Видиваріевъ помѣщаетъ Іорнандъ (552 г.) при устьяхъ Вислы, называя ихъ сбродомъ разныхъ народовъ (*Vidivarjii ex diversis nationibus aggregati*). Кто были эти Видиваріи — трудно сказать. Шафарикъ (Слав. Древн., § 18, № 8, § 19, № 6) считаетъ Видиваріевъ германскими *Вититами*, производя изъ ихъ имени славянское *витаѣ*. Какъ бы то ни было, въ Видиваріяхъ можно видѣть союзъ племенъ, соединившихся для военныхъ цѣлей, или скорѣе, разбоевъ; подобная община скандинавскихъ викинговъ поселилась въ X вѣкѣ при устьѣ Одры, въ балтійскомъ Волинѣ или Іомсбургѣ, и скоро приманила къ себѣ и Славянъ. Что касается *Ворановъ* или *Борановъ*, то они упоминаются въ III вѣкѣ вмѣстѣ съ Готами, Карнами, Уругундами, нападающими изъ дунайскихъ и черноморскихъ странъ на Византійскую имперію. Можетъ быть, Вораны и Уругунды и Карны (Хорваты) и были славянскими племенами. Г. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами) считаетъ Воранъ Поляками, а Уругундовъ — тоже племенемъ славянскимъ, которое лонгобардскія преданія помѣщаютъ гдѣ-то между Венетами и Антами (*Anthaib, Vanthaib, Wurgonthaib*, у Павла діакона).

Всѣ эти племена — Вариновъ Тацята, Воранъ Зосимы, Видиваріевъ

Юрнанда—г. Забѣлинъ считаетъ однимъ и тѣмъ же самымъ народомъ, и ихъ имена (Варины, Вируны, Варны, Верины, Вераны, Вораны) только олатыненной и огреченною формою того же самаго имени, которое у Славянъ произносилось *Варя*. Такимъ образомъ—заключаетъ авторъ—странствованіе Варяговъ по нашей землѣ заявлено исторіей уже въ половинѣ III вѣка по Р. Х.

Такая древность „нашихъ славянскихъ Варяговъ“ не понравится, впрочемъ, не только изслѣдователямъ-норманистамъ, но и многимъ другимъ, которымъ вообще всѣ старанія отыскать Варяговъ между Ляхами, покажутся тщетными. Г. Забѣлинъ думаетъ, что русская лѣтопись указываетъ „несомнительно“, что Варяги-Русь обитали на балтійскомъ славянскомъ поморьѣ, въ углу по сосѣдству съ Дагчанами и Англами, и что оттуда призваны князья. Кромѣ того, полагаетъ онъ, что Балтійское Славянство господствовало въ нашей странѣ подъ другими именами. Но мы опять думаемъ, что въ этомъ отождествленіи „Варяговъ“ и балтійскихъ Ляховъ, равнымъ образомъ какъ и въ отождествленіи „Руси“ и Руги, Ругны (см. ниже), есть очень и очень много сомнительнаго и даже невѣроятнаго.

О старинныхъ связяхъ между западными и восточными Славянами, особенно же между Балтійскими и Новгородскими Славянами, можно много размышлять; но всѣ эти размышленія, не основываясь на положительныхъ историческихъ извѣстіяхъ, должны уступить очень не многимъ исторически достовернымъ фактамъ. Такъ, напримѣръ, г. Забѣлинъ пишетъ: „Славянскіе Варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до IX вѣка сидѣли по городамъ у Чуди, Веси, Мери, Муромы, и всѣ тянули къ Новгороду, какъ къ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ Варягамъ-Славянамъ, которые по славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтопись очень справедливо говоритъ, что Новгородцы происходили отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне“. Все это могло быть, но могло и не быть; во всякомъ случаѣ, объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Если лѣтописецъ (Лаврент. лѣтоп.) пишетъ: „Ты суть люде Ноугородцы отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни“, то это явное противорѣчіе. Лѣтописецъ выводитъ Новгородскихъ Словѣнъ прямо отъ дунайскихъ Словѣнъ, которые сѣдоша около озера Ильмера и прозвашася своимъ именемъ. Эти Словѣне были рода словѣнскаго, и позже назвались по своему городу—Новгородцы, какъ и Поляне по Кіеву — Кіяне, Кривичи по Смоленску —

Смольняне и проч.; поэтому они не могли быть рода Варяжскаго. Этимъ словамъ нельзя даже придавать такого смысла, будто Ильменскіе Словѣне назвались Новгородцами со временъ предполагаемаго прибытія Варяговъ въ ихъ городъ; въ X, XI и даже въ XII вѣкахъ Новгородцы не забыли еще стариннаго племеннаго „своего имени“ — Словѣне. Они вообще не очень-то и долюбивали своихъ мнимыхъ „дѣдовъ и отцовъ“, какъ показываетъ рѣзня Варяговъ въ Новгородѣ 1015 года.

Г. Забѣливъ свою теорію о „Варягахъ“ проводитъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ, между тѣмъ какъ г. Геденонъ старается подкрѣпить свое мнѣніе болѣе подробными указаніями. Поэтому мы обратимъ здѣсь главное вниманіе на сочиненіе этого послѣдняго автора.

Что между Балтійскими и восточными (позже Русскими) Славянами искони были извѣстныя сношенія, о томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На торговыя связи балтійскихъ странъ съ восточными указываютъ восточныя монеты, находимыя въ балтійскихъ земляхъ. Въ важномъ торговомъ городѣ поморскомъ *Волинн* находились еще въ XI вѣкѣ купцы „греческіе“, то-есть, русскіе, и отъ Волинн до Кіева („въ Греціи“) считалось 43 дня ѣзды — *ad Ostragard Rusziae, cujus metropolis civitas est Chiue, clarissimum decus Graeciae* (Adam. Brem., II, с. 12, 13).

Отголоски этихъ старинныхъ сношеній восточныхъ Славянъ съ Балтійскими слышны, кажется, и въ русскихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается „славный, богатый Волиннъ городъ“; напримѣръ, въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ (*Рыбниковъ*, I, № 48):

Снаряжался Дюкъ Степановичъ, князенецкій смит,
Изъ славнаго, богатаго *Волинн*-города,
Изъ тоя Индѣюшки богатыя,
Снаряжался во стольно-Кіевъ градъ.

Дюкъ восхваляетъ свой городъ, и князь Владиміръ посылаетъ въ эту Индѣюшку и въ городъ Волиннъ своихъ оцѣнщиковъ — Дюково имѣніе описывать и оцѣнивать; богатства нашлось множество чрезмѣрное. Богатая „Индѣюшка“ не должна насъ смущать; это вообще какая-то баснословная страна, да уже въ 58 г. до Р. Х. къ Римлянамъ въ Галліи прибыли купцы изъ „Индіи“ (ex India, ex Indicis aequoribus), то-есть, купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, изъ Виндіи, земли Виндовъ, Венедовъ, Венетовъ, отъ Венедскаго залива (срв. *Шафарикъ*, Слав. Древн., § 8, № 3). Были ли

между Балтійскими и восточными Славянами религіозныя связи, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 133), нельзя ни утверждать, ни отрицать; положительныхъ извѣстій о томъ не нѣтъ, и потому мнѣніе г. Гедеонова о „преимуществахъ вендскихъ князей передъ русскими“ не можетъ быть доказано. Гельмольдъ, нѣмецкій житель Вагорской земли (XII в.), сохранилъ намъ преданіе, будто въ давнія времена—до IX вѣка—вагорскіе князья распространили свое господство и на Бодричей и Лютичей, и на другія болѣе отдаленныя племена (*et eorum qui longe remotiores sunt*); если послѣднія слова не риторическое украшеніе, то можно отнести ихъ, пожалуй, и къ поморскимъ Ляхамъ, но отнюдь не къ восточнымъ Славянамъ, отдѣленнымъ отъ Балтійскихъ Ляхами повисланскими и Литвой. О существованіи Славянъ - Ляховъ въ балтійскихъ странахъ при морѣ Варяжскомъ знали Русскіе изъ своей первой лѣтописи: Ляхове Поляне, Мазовшане, Поморяне, Лютичи. Если въ русской лѣтописи (около 1300 г.) приводится польская княгиня Лукерія „рода князей сербскихъ, съ Кашубъ, отъ поморія Варягаго, отъ Старога града за Кгданскомъ“ (П. С. Р. Л., II, 227), то это позднѣйшая приписка XVI вѣка, перенятая изъ польскихъ источниковъ. Длугошъ, Мѣховскій и Кромеръ называютъ эту княгиню *neptis ducis Slavorum seu Vinidarum apud Stetin, filia ducis Cassubitarum*, а Вѣльскій и Блажовскій передаютъ это извѣстіе по польски: *z książąt serbskich, Kaszubka*. Связывать извѣстное новгородское преданіе о Гостомыслѣ съ „народнымъ преданіемъ русскимъ о западно-славянскомъ происхожденіи варяжской династіи“—очень смѣлая догадка; имена Гостомыслъ и Буривой или Боривой—не исключительная принадлежность западно-славянскаго міра; они, равнымъ образомъ какъ и Любомыслъ, Радивой, Владивой, Вратиславъ, Ратиборъ, Твердиславъ и др., имена общеславянскія. Если Морозовы, Воронцовы, Воычевы, Шереметевы производили себя—какъ пишетъ Курбскій—отъ Нѣмецъ, отъ роду княжатъ решскихъ, еще со временъ Рюрика, то не чему удивляться: такія генеалогическія производства были тогда въ большомъ ходу, и подобострастные генеалоги XVI вѣка выводили богатыхъ вельможъ, пожалуй, изъ ковчега Ноева, а по меньшей мѣрѣ отъ Чеха и Лѣха. Вѣдь самъ царь Иванъ Васильевичъ производилъ себя отъ Августа Кесаря! Примѣры такихъ „родословіи“ можно найти въ сочиненіяхъ извѣстнаго польско-чешскаго историка XVI вѣка Папроцкаго, который, напримѣръ, производитъ чешскихъ пановъ Жеротиновъ отъ русскаго Олега Святославича. Поэтому нечего толковать о недоказанномъ

происхожденіи нѣкоторыхъ русскихъ дворянскихъ родовъ отъ „решскихъ князятъ“ поморскихъ (стр. 144). Были ли въ Поморьѣ Мрозичи „древне-вендскій родъ“, не знаемъ; но если и были, то нельзя еще производить отъ нихъ русскихъ Морозовыхъ, какъ и чешскихъ Черторейскихъ нельзя смѣшивать съ русско-польскими Чарторыйскими, поморскихъ Борковъ—съ новгородскими Борецкими, польскихъ Яблоновскихъ—съ сербскими Яблановичами.

Цѣлую половину I-го тома своего сочиненія г. Гедеоновъ посвятилъ разбору древне-русскихъ именъ и словъ и старается отмѣтить въ нихъ сходство, даже вліяніе западо-славянское, преимущественно балтійско-славянское. Что касается именъ *лицъ* (то-есть, славянскихъ, а не нѣхристіанскаго календаря перенятыхъ), то они у всѣхъ славянскихъ народовъ поразительно сходны; одинаковыя имена сложныя и простыя, ихъ сокращенныя формы, прибавленіе отчества и пр. встрѣчаются у всѣхъ народовъ славянскихъ. Имена Будигость, Хотимиръ, Владимиръ, Ярославъ, Святополкъ, Мстишъ (Мстиславъ), Богушъ (Богуславъ), Ярошъ (Ярославъ), Кленъ, Влудъ, Боянъ и др. встрѣчаются у всѣхъ Славянъ; и нельзя, напримѣръ, сказать, что Боривой и Вячеславъ—имена чешскія, Болеславъ и Казимиръ—польскія, Яромиръ и Богуславъ—балтійско-славянскія, Владимиръ и Мстиславъ—русскія, Кресмиръ и Чаславъ—юго-славянскія; нѣтъ, всѣ эти имена общеславянскія; русскія Мстишъ, Лютъ, Володиславъ, Станиславъ, Предславъ, не указываютъ на поморскихъ или вообще западныхъ Славянъ, какъ думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 238, 258, 292). Къ славянскимъ именамъ подходятъ тоже многія имена германскія: Reginhart, Valgerdr, Lindigast, Heriman, Walemer, Chunirat, Alfred, Catuvald, Folkvidr, Liudewit, Vithimir, Folkdag, и пр., и славянскія: Радгордъ, Всегордъ, Людигость, Вукманъ, Велимиръ, Люторадъ, Пачсратъ, Всемадъ, Маловидъ, Гостинидъ, Витомиръ, Ярополкъ и пр. Славяне и Нѣмцы находились, какъ сосѣди, съ незапамятныхъ временъ въ постоянныхъ связяхъ и столкновеніяхъ, и не мудрено, что иногда Славянинъ принималъ имя германское, а Нѣмецъ—славянское, и не Нѣмцы виноваты, что у Славянъ—при извѣстномъ ихъ „чужебѣсіи“—встрѣчаются нѣмецкія имена чаще, чѣмъ славянскія у Нѣмцевъ. Такъ напримѣръ, уже въ IX—X вв. у западныхъ Славянъ встрѣчаются имена Heriman, Ulrich, Billug, Otto, а позже ихъ и больше. Въ княжескихъ и шляхетскихъ родахъ чешскихъ, польскихъ и полабско-балтійскихъ нѣмецкія имена входятъ все болѣе и болѣе въ употребленіе: Генрихъ, Германъ, Конрадъ, Отто, Годескалькъ и др. встрѣчаются подлѣ Болеслава, Вратислава, Местя-

слава, Прибигяѣва, Прибислава и др. Съ другой стороны, сынъ нѣмецкаго короля Арнульфа названъ Святополкомъ, сынъ датскаго короля Канута — Владиміромъ (Вальдемаромъ), датскій княжить — Бориславомъ, норвежская княжна — Войславой, и пр.

Всего этого не слѣдуетъ забывать и относительно древне-русскихъ именъ. Въ числѣ ихъ есть и скандинавскія. Если нѣкоторыя имена не носятъ такъ явно славянскаго характера (договоры Олега и Игоря несомнѣнно переводы съ греческаго), какъ напримѣръ, Владиміръ, Святославъ, Ярополкъ, то не нужно еще провозглашать ихъ сейчасъ скандинавскими, а лучше прямо сказать, что они пока не объяснимы. Такъ, напримѣръ, имена Володиславъ, Малуша, Прѣтичъ, Роговолодъ, Рогѣдъ, Туръ, Лють, Влудъ, конечно, не скандинавскія, а славянскія; Пристенъ, Ясмудъ, Борисъ, Глѣбъ, Улѣбъ, Вельмудъ, Груды, Тріанъ, Стемиръ, также могутъ быть славянскія. Г. Гедеоновъ сравниваетъ, напримѣръ, имя Рюрикъ съ славянскимъ Рарогъ или (?) Рерикъ (Рароги, племя Бодричей), будто бы прозвищемъ бодрическаго князя Дражка, Труворъ съ славян. Труберъ, Олегъ и Ольга съ чешек. Оломутомъ, Олеемъ, Олекомъ, Игорь или Ингоръ съ чешск. „Гинхвой“ (чудовищная небылица у Гайка), „Ингмаръ“ (не слав.) и пр. Но объясненія г. Гедеонова страдаютъ такимъ же недостаткомъ, въ какомъ опъ упрекаетъ норманистовъ, то-есть, они натянуты и даже нерѣдко ошибочны. Такъ напримѣръ, его западно-славянскіе „Рюрики“ — Rerich, Rerig, Ририкъ, требуютъ болѣе подробнаго разысканія. Чешскій родъ „Rerich“ — если Редель (срв. *Журн. чешск. муз.* 1867 г., 92) передаетъ это имя вѣрно — совсѣмъ неизвѣстенъ, имя звучитъ не по чешски, а по нѣмецки; чешская форма могла бы быть лишь Рериха (собств. Ржержиха=жеруха), фамилія, существующая въ Чехіи и до сихъ норъ. Нисаръ Згорѣлецкій Peter Rerig былъ несомнѣнно Нѣмецъ, какъ тогда (XV в.) всѣ жители этого лужицкаго города. Что касается „Рериха воеводы лятцкаго“, то надо еще изслѣдовать, передалъ ли исковскій лѣтописецъ это имя (Шоляка или Чеха?) вѣрно; Русскіе нерѣдко передѣлывали чужія имена на свой ладъ; такъ напримѣръ, чешскаго воеводу Іоанна Чернаго Русскіе называли Черникъ, Чернякъ, чешскаго пана Пернштейна — Перстенъ и пр. Чешское *Boriz* сокращено изъ Бориславъ, и не можетъ быть=русск. *Воризъ*. Чешск. *Грдъ*, *Грдокъ*, *Грдата* (пишется въ латинск. грам. Grid etc.)=русск. Гордъ (гордый) и не имѣетъ ничего общаго съ словомъ *грудъ*; такъ и *Влисковъ* вовсе не чешское *Вльчекъ* (Wlisek, Волчокъ). Названіе балт.-слав. города *Волмоуць*, *Велмоуць* (а не „Ольгоуць“) есть прилагательное отъ имени

Волигошь, какъ и Радигощь, Быдгощь, Малогиощь отъ Радигощь и пр., и не имѣеть ничего общаго съ именами *Олець, Олыа*; прилагательное отъ Олегъ было бѣ *Олежь*, какъ отъ Радонѣгъ — Радонѣжь. Можно ли съ именемъ Олегъ сблизить имя моравскаго поселяннина *Олекъ* (1145 г.)—трудно рѣшить; а имя *Олей* (Oley, 1088 г.)—не Олегъ. *Лидь* не подходитъ къ чешск. Лидославъ, Лида, такъ какъ послѣднія уже новочешскія формы, Лидъ=др.-чешск. Людъ. *Тудоръ* нельзя сравнивать съ балтійско-славянскимъ именемъ *Стодорекъ* или *Стодорко* (лютичскій шляхтичъ XII в., назвавшійся, вѣроятно, по происхожденію изъ Стодорской земли, какъ и вышеупомянутые Ляшко, Чешко, Варяжко). *Ульбъ* и балт.-слав. Godelaib (срв. чешск.-польск. Годиславъ) трудно сравнивать; перешедшія къ западнымъ Славянамъ нѣмецкія имена Dethleb, Hartleb сюда не принадлежатъ. *Бернъ* подходитъ къ чешск.-польск. Брѣнишь, но не къ балт.-слав. Барнута (балт.-слав. Барнъ=чешск. Бранъ, польск. Бронъ и русск. Боронъ) и еще менѣе къ Бернать, ославянепной формѣ пѣм. Bernhard, Bernard. Такъ и чешск. Жибридъ (Sebrith)=германск. Sigefrid, а Ира (др. Юра) вовсе не Ярославъ, а просто Юрій, Георгій. Можно было бы привести еще больше такихъ примѣровъ, но и по вышеприведенному можно видѣть, какъ осторожно надо поступать въ объясненіи такихъ древнерусскихъ, отчасти испорченныхъ именъ, встрѣчающихся кромѣ того съ разными вариантами, на примѣръ: Груды—Гуды, Вельмудъ—Веремундъ, Вуеасть—Ибуехать, Вузльвъ и Кузелъвъ, и пр. А то, пожалуй, будутъ еще правы гѣ господа, которые объясняютъ троицу: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ—по нѣмецки: Rurik und sine getruwen ¹⁾!

Въ примѣчаніи 107-мъ г. Геденовъ говоритъ: „Въ пользу варяжскаго (поморскаго) происхожденія Ольги можно бы привести чисто-вендскую форму имени села ея *Ольжичи*; въ другихъ спискахъ лѣтописи вмѣсто вендскаго Ольжичи поставлено русское Ольгино⁶. По этимъ словамъ можно, кажется, подумать, что авторъ считаетъ названія мѣстъ съ патронимическимъ окончаніемъ—*ичи* принадлежностью однихъ только Балтійскихъ Славянъ. Но это мнѣніе невѣрно. Во *всѣхъ* славянскихъ земляхъ находится множество названій мѣстъ

¹⁾ Такиаъ же недостаткомъ страдаетъ этимологизированіе г. Иловайскаго (Разысканія о началѣ Руси, 210, 302). Замѣтимъ только, что имена *Оттокаръ* и *Ольдрихъ* (Ulrich, Udalricus) не чешскія, а нѣмецкія; *Рюрикъ* нельзя сравнивать съ Рарогъ, какъ и *Имваръ* съ Унгваръ (мадярск. названіе Ужгорода: мадярск.-югослав. *варъ, варошь*—изъ греч. *βασις*—значить городъ), и пр.

съ патронимическимъ окончаніемъ—ичи (у западныхъ Славянъ—ичи, ичи, и то же часто и у Новгородцевъ). Имя Бояновичи (Bojanovici, — vice) означаетъ потомковъ, родъ Бояна, и потомъ—послѣ замѣны рода болѣе обширною общиною — усадьбу Бояновичей, селеніе Бояновичи, Bojanovice, какъ это хорошо обозначено въ древнепольской грамотѣ homines Belejucici, то-есть, жители села Бѣлеевиць. Такія родовыя названія находимъ и на Руси; приведемъ нѣсколько изъ древнихъ памятниковъ: Бужковичи, Бѣжичи (-ци), Витославичи (-ци), Дѣдичи, Дѣдогостичи, Мирятичи, Погоновичи, Стоянничіи, Увѣтичи, Хвалимичи и пр.; все это родъ Бужка, Витослава, Миряты, Хвалима и др. и его усадьба. Такія названія встрѣчаются, конечно, и у Балтійскихъ Славянъ (срв. наше сочиненіе: Германизація Балт. Славянъ, 26, 203), равнымъ образомъ какъ и у другихъ. Поэтому названіе Ольжичи нельзя считать „чисто-вендскимъ“; оно столько же русское, сколько и Ольгино, какъ и Краковици, Краковъ, Сезимово, Варгѣтинъ, Сербипо — названія балтійско-славянскія.

Глава IX-я сочиненія г. Геденова носитъ названіе: „Слѣды варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси“—заглавіе очень смѣлое. Прежде чѣмъ говорить объ этой главѣ, надо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Раздѣленіе первоначальнаго языка славянскаго на нѣсколько языковъ совершилось уже давно, еще—если такъ можно выразиться—въ доисторическое время. Не смотря на то, что славянскіе языки чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ ближе другъ другу, они все-таки въ историческое время—то-есть, по письменнымъ памятникамъ—представляютъ уже вполне развитыя и строго опредѣленныя органическія единицы, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга. Если сравнимъ, напримеръ, чешское евангеліе св. Іоанна, словенскіе Фрейзингскіе отрывки древне-болг. Остромирово евангеліе, русскую лѣтопись, сербскія житія, названія мѣстъ и лицъ у Ляховъ (балтійскихъ и вислянскихъ), то увидимъ въ нихъ установившіяся языки чешскій, словенскій, древне-болгарскій (словѣнскій), русскій, сербскій, ляхскій; увидимъ, что уже въ древнѣйшій періодъ Чехи говорили градъ, Глубочаны, Ляхи—гардъ, гордъ, гродъ, Глѣбока (Glaboka), и всѣ западныя Славяне—радло, мезу (мези) или медзу, земя, выгонъ, Ратиборовици. Между тѣмъ Русскіе говорили: городъ, горожанинъ, между, рало, земля, глубокъ, князь, Мирятичи, а южныя Словѣне (Болгаре)—градъ и гражданинъ (Сербы: градининъ), между (сербск. медю), рало, земля, глѣбокъ (сербск. дубокъ), князь (сербск. князь), Богданици (-ишти), и

пр. Но не смотря на эти характеристическія черты славянскихъ языковъ, въ нихъ является удивительное сходство, формальное и матеріальное, лексикальное.

При помощи лексикальнаго богатства разныхъ языковъ славянскихъ можно нарисовать довольно полную картину древнѣйшаго быта Славянъ, когда ихъ племена стояли ближе другъ къ другу и не развились еще въ строго опредѣленные организмы, въ народы. Такъ, на примѣръ, если во всѣхъ славянскихъ языкахъ съ древнѣйшихъ временъ находимъ слова пшеница, рожь, овесъ, ячмень, яблоня, желѣзо, плугъ или рало, полотно, городъ, село, весъ, гусли, правда, вѣче и пр., то эти слова можно считать важными свидѣтельствами о бытѣ и степени образованности Славянъ въ древній періодъ ихъ исторіи. Ибо о какомъ-нибудь *заимствованіи* тѣхъ или другихъ словъ (понятій, вещей) нечего и думать; нельзя сказать, что восточные Славяне переняли отъ западныхъ, на примѣръ, слово *весъ*, или западные отъ южныхъ—слово *жупанъ*, или южные отъ восточныхъ—слово *смердъ*. Итъ, все это слова обще-славянскія; нѣкоторые изъ нихъ употреблялись больше и дольше у западныхъ, другія у восточныхъ и южныхъ Славянъ; такъ, на примѣръ, слово *вѣче* знаютъ южные Славяне до сихъ поръ, а у западныхъ оно вышло уже изъ употребленія. Если Славяне, въ древнѣйшій періодъ своей исторіи, заимствовали отъ *чужихъ* народовъ тѣ или другія слова (предметы, учрежденія и пр.), то и въ такихъ словахъ является еще сходство. Такъ, на примѣръ, германскія *kuning, reuning, vithing, Karl, chiricha, fasta*, римскія *calendae, gosalia, caesar* перешли ко всѣмъ или почти ко всѣмъ Славянамъ въ одинаковой формѣ: кѣнѣгъ (кѣнѣзь), пѣнѣзь, витѣзь, краль, црѣкн, постъ, колада, русалин, цѣсарь (царь). Между тѣмъ, если Славяне позже, то-есть, когда они уже разошлись и сформировались въ строго опредѣленные народныя единицы, заимствовали нѣкоторые слова отъ чужеземцевъ, то выходитъ уже иначе. Такія, на примѣръ, заимствованныя слова: бумага (русск.), хартія (южн.-сл.), папиръ (зап.-сл.); бузатъ, сталь, надо; желтая мѣдь, пиринатъ, мосязъ; пушка, дѣло, топъ, и пр.

Если сравнимъ государственныя и юридическія учрежденія отдѣльныхъ народовъ славянскихъ, то и въ нихъ находимъ поразительное сходство. Нѣкоторые такія учрежденія сохранились у восточныхъ и южныхъ Славянъ дольше, чѣмъ у западныхъ, а у южныхъ нѣкоторые существуютъ и до сихъ поръ. Такъ на примѣръ, у Чеховъ въ XIII в. извѣстные судебныя сыщики назывались *соки*; такіе же *соки* встрѣчаются въ западной Руси еще въ XV—XVI вв., а

у Сербовъ они извѣстны до сихъ поръ. Извѣстный способъ судопроизводства назывался у Чеховъ въ XIII в. *сводъ*; такой же *сводъ* встрѣчается и въ Правдѣ Русской, и въ сербскомъ законѣ Стефана Душана. Такихъ одинаковыхъ учрежденій съ одинаковыми названіями встрѣчается у славянскихъ народовъ очень много: лицо—поличпос, вданіе—выдача, глава—головщина, слѣдъ, круговая порука и пр. Все это—обще-славянскія учрежденія, выработанныя еще въ давнія времена національнаго единства, до окончательнаго раздѣленія Славянъ на нѣсколько народовъ. Невозможно и здѣсь говорить о какомъ-нибудь заимствованіи Чехами у Русскихъ или Сербовъ, на примѣръ, соковъ или свода. Нельзя же предполагать, чтобы депутаты или юристы отдѣльныхъ народовъ славянскихъ сходились на международныхъ конгрессахъ и постановляли здѣсь разныя учрежденія, обязательныя для всѣхъ Славянъ, и одинаковую юридическую терминологию.

Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ такого стариннаго единства Славянъ въ бытѣ, учрежденіяхъ и пр.

Кметъ. Слово темное, встрѣчающееся у всѣхъ Славянъ. Нѣкоторые сближаютъ его съ латинск. *comes*, другіе указываютъ на литовск. *кэмась* и греч. *κμήτης*—*ragus, vicus*. Первоначально слово *кметъ* означало хозяина, господаря и вообще поселяннина; такъ, у Чеховъ и у Поляковъ крестьяне до XVI вѣка назывались *кмети*, а у южныхъ Славянъ, Словенцевъ, Хорватовъ и Босняковъ, крестьяне называются *кметами* и до сихъ поръ; у Волгаръ и у Сербовъ *кмети*—знатные крестьяне, а у Черногорцевъ—судебные посредники. *Кмети*—господари высшихъ сословій, шляхты, составляли думу, совѣтъ князя-государя (=русск. бояре, думцы). У Чеховъ высшіе сановники земскіе (*beneficarii fide digni qui kmetye dicuntur, kmetones seu seniores terrae*) назывались *кметами* до XV вѣка, а въ Моравѣ они позже приняли названіе пановъ господарей. То же самое случилось и у южныхъ Славянъ; въ хорватскихъ и сербо-босанскихъ памятникахъ XV в. *кмети* угорскіе=*bagones regni Hungariae*. *Кметами* назывались, вѣроятно, и польскіе сановники земскіе, которые составляли княжескую или королевскую думу, вѣче; поэтому въ древне-польской пѣснѣ Адамъ называется божіимъ *кметемъ*, который сидитъ у Бога въ вѣчѣ. У русскіхъ Славянъ *кметъ*—отличный воинъ (Курыне свѣдоми *къмети*, молодые *кмети*, *къметство*).

Смердъ. Слово темное (смердъ? перс. *мердъ*, армянск. *мардъ*—муж?). Оно извѣстно преимущественно на Руси, гдѣ означало вообще плебея, въ особенности сельскаго жителя, хлѣбопашца, крестьянина; въ

лѣтописяхъ и Правдѣ часто говорится о смердахъ и ихъ родляхъ. У дунайскихъ Словѣнъ (Волгарь) смръдъ означало тоже плебея (противоположное сановнику, царю). У Ляховъ, балтійскихъ и вислянскихъ, родъ крестьянъ, вѣроятно, крѣпостныхъ, назывался *смарды* (*smardi, smardones*, въ польск. грам. еще XII в., а у балт.-полабск. Славянъ и позже); у люнебургскихъ Славянъ еще около 1700 года смарды=крестьяне.

Боляринъ, боляринъ, слово извѣстное только Славянамъ восточнымъ (у нихъ тоже бояринъ) и южнымъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это слово происходитъ отъ *болій*, а боляринъ = вельмужъ, вельможа. О русскихъ болярахъ или боярахъ не станемъ говорить здѣсь; болгарская шляхта тоже всегда называлась боляре, болѣре; у Сербовъ боляре только въ XIV в. стали называться властелями. Были боляре великіе и малые. Отъ Славянъ (вѣроятно, дунайскихъ) переняли это слово Румыны. Западные Славяне не знаютъ слова боляринъ; у нихъ высшія сословія назывались князья, жупаны, шляхта, земляне, владыки. Шляхта раздѣлялась тоже на два разряда, высшая и низшая; балтійскіе Ляхи называли первый разрядъ — князья, второй — княжичи, какъ и Сербы — властелинъ и властеличичъ, Русскіе — бояринъ и сынъ боярскій.

Себрь, у южныхъ Славянъ, Болгарь, Сербовъ и Хорватовъ, означало, а отчасти означаетъ и до сихъ поръ плебея, крестьянина, противоположнаго властелину, болярицу. Это слово встрѣчается, напримеръ, въ болгарскомъ переводѣ Матеѣй Властара, въ законѣ Душана, въ хорватскихъ грамотахъ и проч. На Руси *сябры* встрѣчаются въ псковскихъ, новгородскихъ и литовско-русскихъ памятникахъ, означая соучастниковъ, владѣвшихъ сообща землей. У Бѣлоруссовъ *сябрь*, *сябрукъ* = родственникъ, сотоварищъ, у Великоруссовъ *сябрь*, *себрь* = товарищъ, хозяинъ съ правомъ голоса на громадѣ (то-есть, сходкѣ), а въ законникѣ Душана такой „соборъ себровъ“ строго запрещается. Литовскій *себрасъ* = соучастникъ. Срв. санскр. *sabhā* — собраніе, мѣсто собранія (югослав. *соба* = комната). *Сябрь*, *себрь* = участникъ такого собранія, хозяинъ, господарь.

Въче, снемъ, соборъ. Такъ называли всѣ Славяне свои всенародныя сходки, которыя такъ хорошо описалъ уже Византіецъ Прокопій въ VI вѣкѣ: „Словѣне (дунайскіе) и Анты (днѣпровскіе) не повинуются одному мужу, но живутъ издавна въ народномъ правленіи, и потому всегда о своихъ пользахъ и нуждахъ сообща совѣщаются. Равнымъ образомъ и почти всѣ другія дѣла у нихъ по древнимъ за-

конамъ управляются“. Вотъ любопытное описаніе старинныхъ славянскихъ сходокъ, на которыхъ народъ снимался или собирался, совѣщался. А о вѣчахъ восточныхъ Славянъ (Антовъ Прокопія) говоритъ то же самое домашній лѣтописецъ XII вѣка: „Изпачала Новгородци и Смоленяне и Кіянне и Полочане и вся власти, якоже на думу на *отча* сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть“. Звономъ вѣчевыхъ колоколовъ созывался на вѣче народъ, бояре и чернь—совѣщаются о публичныхъ дѣлахъ, говоритъ о нихъ съ трибуны, вмѣстѣ съ княземъ, дружинниками, сановниками (посадникомъ, воеводой-тысяцкимъ). Но съ конца XV и съ начала XVI в. вѣчевое устройство исчезаетъ, общинное начало уступаетъ государственному, а слово вѣчникъ означаетъ уже крамольника. Въ соединенной сѣверо-восточной Руси собираются государственные *соборы*, и только на окраинахъ русскаго міра созываются еще казаки на *рады* и *круги*, преемники старинныхъ вѣчъ, да въ западной Руси, польско-литовской, въ XVI в. сельскія общины собирались на *коты*, *отча*, *сборы*. Вѣчевое устройство *дунайскіе Словяне* перенесли и на югъ, и ихъ *отча* или *отча* были такія же бурныя, какъ и русскія, такъ что и у нихъ вѣчникъ стало означать крамольника. Кромѣ государственныхъ *соборовъ* болгарскихъ, сербскихъ и хорватскихъ, сохранились, особенно у адриатическихъ Югославянъ, *отча* общинъ, пользовавшихся здѣсь обширнымъ самоуправленіемъ. Въ нѣкоторыхъ далматскихъ городскихъ общинахъ славянское вѣчевое устройство смѣшалось съ бывшими тамъ римскими муниципальными порядками, хотя и въ нихъ чернь домогалась участія въ вѣчевомъ устройствѣ. Вѣча и соборы видимъ, напримѣръ, въ хорватскихъ общинахъ Керкской, Винодольской, Сеньской, Полицкой, въ далматскихъ городскихъ общинахъ Задрѣ, Сплѣтѣ, Трогирѣ, Дубровникѣ и др. Вѣча собирались или „скупались на купъ“, созвоились подъ открытымъ небомъ, потому въ особой вѣчницѣ; на нихъ присутствуютъ князь и другіе сановники, знатные люди, племенитые (дворяне) и общинскіе, *отчички*, и иногда также простой народъ (соборъ, *universitas*). Такъ, напримѣръ, въ Керкѣ въ 1267 г. „будучи судац и вичници и кмети предъ крѣкву учинише мѣю собу, да када буде граду ва потреби, *виче* имети мѣю собу, да буде званъ *засъ пльк* (народъ), вели и мали, и да има то *виче* бити в недилю с маше (литургіи), и ча (что) би *виче* учинило, да неморе (не можетъ) ниеданъ рѣчи проту тому“. Въ Дубровникѣ въ 1253 г. звономъ звонивше на съборе, *ѣко е по закону дѣбровѣчкому*, собрали вѣче, на которомъ присутствовали князь, банъ

(vice-comes) и другіе сановники общины, и около 100 вѣчниковъ, все властеле (боляре), имена которыхъ приводятся съ отчествомъ (например, Русинъ Петровичъ, Русинъ Белчичъ, Павелъ Болеславичъ, Филиппъ Ничинежичъ, Власій Русиновичъ, и проч.). На великомъ вѣчѣ или сборѣ хорватско-далматской общины Полицкой присутствовали пѣть главари, то-есть, князь, воевода, судьи и друг., властеле (боляре), дидичи (дѣдичи, знатные помѣщики) и всѣ Полицане, вся община, весь пукъ (полюкъ, народъ). Государственные *соброры* хорватскіе, сербскіе и болгарскіе сдѣлались сходкой однихъ только племячей, властелей, болярь. Сходки сельскихъ общинъ назывались у Хорватовъ *самамъ*, а у Сербовъ и Болгаръ *соброръ*. У западныхъ Славянъ вѣчевое устройство было разнообразно. У Чеховъ и Поляковъ, у которыхъ государственная идея очень рано восторжествовала надъ древне-славянскою разрозненностью, являются государственные *снемы*, *сѣмы*, *сеймы*, то-есть, собранія одной только шляхты, землянъ; о всенародныхъ вѣчахъ въ государствахъ Чешскомъ и Польскомъ нѣтъ и помину; вѣчами же (вѣце) Поляки называли преимущественно судебныя сходки, судъ княжескій (вѣце великое, посполитое), на которомъ засѣдали князь и высшіе сановники (кмети? жупаны?) и судъ сельскій. У Балтійскихъ Славянъ, у которыхъ государственная идея развилась не такъ сильно, какъ у Чеховъ и Поляковъ, сохранилось общинное начало, древне-славянское вѣчевое устройство гораздо сильнѣе. То, что разказываетъ Прокопій о дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянахъ, повторяетъ почти буквально Титмаръ о Лютичахъ: „У всѣхъ племенъ лютическихъ нѣтъ никакого особеннаго властителя; общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкахъ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ“. Такія сходки являются и у поморскихъ Ляховъ; въ Шетинѣ посреди площади стояла трибуна, съ которой говорили къ народу; народъ собирался тоже въ особыхъ общественныхъ зданіяхъ, такъ называемыхъ континахъ ¹⁾.

Сокъ, судебный сыщикъ (ябедникъ). Сопоставимъ здѣсь нѣсколько статей разныхъ славянскихъ уложеній, основанныхъ на обычномъ правѣ. Чешское право князя Конрада (1189 г.): „Nullus sok aliquem accuset, nisi certo sub testimonio vicinorum constet de damno“. Запало-русскій статутъ Казимира (1468 г.): „А пакъ ли *сокъ* усочить

¹⁾ Съ вѣчевымъ устройствомъ у балтійскихъ и адриатическихъ Славянъ можно ближе познакомиться по соч. Гильфердинга (Ист. балт. Славянъ) и Леонтовича (Хорватско-далматское законодательство — въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1867 г.).

на кого, а лица не будетъ“. Литовско-русскій статуть (1529 года): „Естли хто черезъ *соковъ* (древне-польскій переводъ: *przez soki*) до-вѣдавшися лица“. Черногорскій законникъ князя Данила (1855 г.): „*Сок*, који *шасочи* судца — митника (взяточника)“.

Если уже славянскіе народы перенимали другъ отъ друга извѣстныя учрежденія, то это сейчасъ замѣтно. Извѣстно, что такихъ „заимствованій“ встрѣчается больше всего въ поднѣпровской Руси, которая, находясь нѣсколько вѣковъ подъ владычествомъ Ляховъ, Поляковъ, испытала польское вліяніе въ значительной степени. Такъ напримѣръ, вмѣсто *боляръ* (бояръ) является *шляхта*, корпорація съ особыми правами, гербами и проч.; а „бояре“—это уже люди свободные, не шляхтичи. Вмѣсто древнерусскихъ княжествъ и земель являются польскія *воеводства* и *поветы* и польскіе сановники *воевода*, *кастелянъ*, *канцлеръ*, *маршалокъ*, *староста* и друг., древне-русскій воевода сталъ называться *гетманомъ*. Вмѣсто бояръ-думцевъ являются *панове рада*, *сенаторы*, вмѣсто общенародныхъ вѣчъ — *соймы*, *сеймы* и *сеймики*, сходки одной только шляхты; названіе вѣча осталось лишь за сельскими сходками. Древне-русское общинное пачало въ городахъ сначала ограничивалось, а впоследствии совсѣмъ уступило устройству нѣмецкихъ „мѣстъ“ по магдебургскому праву. Такъ напримѣръ, старинный городъ Полоцкъ, „мужи Полочане“, еще до конца XV вѣка (то-есть, до пожалованья ему магдебургіи) пользовался разными древне-русскими учрежденіями. *Паны*, бояре, *мѣщане*, дворяне и все *посполство* Полоцкаго *мѣста* „справляли посполу городскія дѣла, и симались вси посполу на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тымъ сѣмывались здавна; а безъ бояръ мѣщаномъ и дворяномъ городскимъ и черки *соймовъ* не надобъ чинить“. Полоцкихъ и витебскихъ *воеводъ* не назначалъ король, а ихъ выбирали сами Полочане и Витебляне (шляхта), „по старому, по ихъ воли“, а воеводы должны были „цѣловати крестъ къ Полочаномъ и къ Витеблянномъ“.

Приведенныхъ здѣсь примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ сходны разныя явленія быта Славянъ и въ довольно позднія времена. Все это наследство первоначальнаго національнаго единства Славянъ, все это—та старая правда, гдѣ „старе и искушене законе“, въ которыхъ „всагда жилили деди, отци и вси прѣи (предки)“, какъ выражаются виводольскіе Хорваты въ 1288 году. Если Славяне *заимствовали* кое-что другъ у друга, то это оставалось всегда замѣтнымъ.

Г. Гедеоновъ, говоря „о слѣдахъ варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси“, старается подкрѣпить это

мнѣніе такими доказательствами, которыя насъ *не убѣждаютъ* въ мнимомъ вліяніи Балтійскихъ Славянъ на восточныхъ ни относительно языка, ни *язычества*, ни *права*.

Славянскіе языки раздѣляются на три группы, западную, восточную и южную. Южная группа—вообще говоря—ближе къ восточной, чѣмъ къ западной, или чѣмъ западная къ восточной, хотя между двумя послѣдними группами есть нарѣчія (малорусское, бѣлорусское), которыя ближе къ западнымъ, чѣмъ къ южнымъ ¹⁾. Къ западной группѣ принадлежатъ Чехи съ Моравянами и Словаками, Полабскіе (теперь только Лужицкіе) Сербы и Ляхи въ обширномъ смыслѣ, балтійскіе (Водричи, Лютичи, Поморяне) и вислянскіе (Поляки). Главною отличительною чертой нарѣчій ляхскихъ служатъ носовые звуки, которые въ ляхскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ съ древнѣйшихъ временъ до сихъ поръ, между тѣмъ какъ въ нарѣчіяхъ чешско-словенско-сербскихъ ихъ нѣтъ и въ историческое время не было ²⁾. Совершенно невѣрны слова г. Гедеонова (стр. 309), будто поморскіе Славяне стояли между Чехами и Ляхами; сербо-лужицкое нарѣчіе съ ляхскимъ связывать нельзя. Ляхскія нарѣчія, то-есть, на-

¹⁾ Чехи и Малоруссы понимаютъ другъ друга гораздо лучше, чѣмъ, напримеръ, Чехи и южные Славяне. Въ этомъ я не разъ нигдѣ случай убѣдился; Русскихъ, говорящихъ на литературномъ языкѣ русскомъ, Чехи понимаютъ съ большимъ трудомъ, между тѣмъ какъ говорящихъ по малорусски понимаютъ гораздо легче. Въ 1848—1849 гг. известный чешскій публицистъ и депутатъ австрійскаго парламента, К. Гавличекъ, пользовался большимъ авторитетомъ у галицко-русскихъ крестьянъ-депутатовъ, съ которыми онъ объяснялся по чешски, и еще недавно сказалъ мнѣ одинъ чешскій депутатъ австрійскаго парламента, что онъ понимаетъ лучше всего славянское нарѣчіе, на которомъ говорилъ А. И. Добрянскій, то-есть, угорско-русское. Южнорусскія и новгородскія лѣтописи и др. памятники югозападной Руси (статуты, сеймовые акты, грамоты) поражаютъ Чеховъ своею удобопонятностію, такъ что иногда кажется, будто читаешь на какомъ-то чешскомъ нарѣчій, и чешскій переводъ выходитъ только простой транскрипціей; срв., напримеръ, чешскій переводъ Нестора (Эрбена) и выдержки изъ разныхъ русскихъ лѣтописей на чешскомъ языкѣ въ нашей статьѣ о русскихъ вѣчахъ (въ *Журн. Чешск. Муз.* 1868 г.), также чешскій переводъ грамоты Свигригайла въ нашей книгѣ: *Славянская взаимность*, 251. Это поразительное сходство, конечно, не результатъ какого-нибудь заимствования; это — сходство племенное, которое заставило одного южнаго Русскаго XV вѣка сказать: «Чехи мало отличаются отъ Русскихъ, и Русь своею рѣчью близка языку чешскому».

²⁾ Нѣкоторые слабые слѣды въ чешскомъ нарѣчій ничего не значатъ; напримеръ, Wenceslaus — нинѣ Вацлавъ, Zucntislaus, Rambous подлѣ Kladruby, Angel (рѣка) — Углава, и проч.

рѣчіа балтійскихъ Бодричей, Лютичей, Поморянъ, полабскихъ Стодорянъ, повислянскихъ и поодрянскихъ Мазовшанъ, Куявянъ, Полянъ, Слыванъ и карпатскихъ Хорватовъ, представляютъ одно лингвистическое цѣлое, которое отличается отъ остальныхъ нарѣчій западно-славянскихъ и еще больше отъ восточно-славянскихъ (русскихъ). Во всѣхъ этихъ ляхскихъ нарѣчіяхъ господствовали и господствуютъ отличительныя черты, которыя отдѣляютъ западно-славянскія нарѣчія отъ восточныхъ, то-есть, говоря коротко, Ляхи говорили и говорятъ: земля, Древяне, рало, ночь, мезу-между, Лютици, гардь—гордь — гродъ, святъ, дѣбъ (święt, dąb), между тѣмъ какъ Русскіе Славяне говорили и говорятъ: земля, Древляне, рало, ночь, между, Лютичи, городъ, святъ, дубъ. Эти отличительныя черты, преимущественно же носовые звуки (которыхъ нѣтъ въ русскихъ нарѣчіяхъ) и полногласіе (котораго нѣтъ въ ляхскихъ нарѣчіяхъ), раздѣляютъ Ляховъ и Русскихъ, сосѣдей съ незапамятныхъ временъ. Такъ, напримѣръ, балтійскіе Ляхи говорили — по древнѣйшимъ памятникамъ—Колобергъ, Варны, Древяне, Мезерѣчь, Лѣчинъ, Седличане; а русскіе Славяне—Вѣлобережье, Вороница, Деревляне, межю, Лучане, село.

Изъ чешскаго и польскаго языковъ, преимущественно изъ мѣнѣ (?) измѣнившагося чешскаго, объясняются почти всѣ слова *не русскаго* склада и происхожденія, встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ памятникахъ нашей исторіи. Какимъ путемъ перешли къ намъ эти слова, и можетъ ли ихъ присутствіе на Руси быть объяснено иначе, какъ изъ варяжскаго источника — вопросъ, который будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ, говоритъ г. Гедеоновъ (стр. 309), и потому старается указать на непреложныя, по его мнѣнію, слѣды „вендскаго“ (слѣдовало бы сказать скорѣе: западно-славянскаго вообще) начала въ древнерусской исторіи. Послѣ того приведено нѣсколько словъ этого „вендскаго“ происхожденія изъ русскихъ летописей, Церковнаго устава Владиміра, Русской Правды, Слова о полку Игоревѣ, и др. Предоставляю специалистамъ-филологамъ подробно разсмотрѣть эти мною „вендскія“ слова въ древне-русскихъ памятникахъ. Но и каждому не-специалисту покажется очень страннымъ, какъ можно считать *не русскими* слова: укладъ, рало, лоньщина, чинъ, кметъ, хотъ, болонь, кобъ, снемъ, прилбца, милостьникъ, въздолъ, съсути, и др. Какъ же считать не русскимъ, напримѣръ, слово *укладъ* (дѣлти уклады на русскіе города), если въ областномъ нарѣчій слово укладъ значить условіе, договоръ, сдѣлка? *Рало* будто бы Вятичи-

Ляхи принесли на востокъ на Оку; но обл. рало—лемехъ, сошникъ; а древне-русское *порадьє* дѣйствительно соотвѣтствуетъ ляхскому *poradnie*, какъ и другія общеславянскія слова и учрежденія, какъ на-примѣръ, русскія *кметь*, *снемъ*—ляхскимъ *kmieś*, *sjet*—*sejsh*, и другія слова (воевода, истецъ, дружина, добытокъ и др.), которыя самъ авторъ считаетъ всеславянскими. Древне-русское (и обще-славянское) слово *снемъ* (чешск. *сиѣмъ*, польск. *сьемъ*—*сеймъ*, др.-хорв. *санмъ*, *саямъ*, *санамъ*, др.-сербск. *сьнъмъ*, словенск. *сењемъ*, *семенъ*, *смейпъ*, др.-слов.-болг. *сьнъмъ*, оттуда и русск. *сонмъ*) г. Гедеоновъ (стр. 337) называетъ „однимъ изъ многозначныхъ для нашего предмета варяжскихъ словъ“. Русскіе князья часто „сняшася на снемъ“ то въ Любчѣ, то въ Витичевѣ и др.; польскій лѣтописецъ Хвальчевскій тоже знаетъ такіе „сьемы“ (*sjetny*) русскихъ князей. А въ 1253 г. назначенъ войскамъ русско-польскимъ „снемъ“ у города Опавы. Чешскіе *кмети*, *лѣхи* и *владыки* „сиѣху се“ на *сиѣмъ* въ Вышеградѣ, а чешскіе „владыки се сиѣху“ въ *лѣсѣ*, приготовляя военныя дѣйствія противъ Поляковъ. Въ древне-польской псалтыри читаемъ: *сняманье* albo *себранье* (*we snuapanu albo w sebranu*). Въ др.-хорват. Истрианскомъ разводѣ часто говорится о „*санмѣ*“ общинъ (комуна има свои *санамъ* дръжати); сербск. *Доментіанъ* и *Даниилъ* тоже употребляютъ слово *сьнъмъ* (др.-слов. *сьнъмъ*) въ смыслѣ сходки. Западные Славяне называютъ парламентъ до сихъ поръ *снемъ* (*сиѣмъ*) или *сеймъ*. Стало быть, слово „*снемъ*“ вовсе не „варяжское“, а общеславянское, какъ и вѣче, соборъ. Другое „любопытное варяго-русское слово“ видитъ г. Гедеоновъ (стр. 340) въ словѣ, записанномъ у Льва Діакона: *χομήντος* (дума бояръ, называемая по русски *коментосъ* *βουλή τῶν ἀρίστων*, *ἤν καὶ χομήντος τῆ ἀφ'ἐτέρῃ διαλέκτῃ φάσι*, ed. Bonn., 150). Если слово *χομήντος* и считать *комоньствомъ*, то оно все-таки отнюдь не „варяжское“, а какъ показываетъ древне-русское *комонь*, столько же русское, сколько и чешское; русское *комоньство* могло означать не только качество *комоня*, но и дружину князя на *комоняхъ*, какъ и чешское *комонство*. Впрочемъ, срв. др.-русск. *кметьство* (*къметьство*), то-есть, совокупность *кметей*, отборныхъ *воиповъ*.

Носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ нѣтъ и въ историческое время не было. Если Византіицы передаютъ очень немногія русскія слова съ носовымъ звукомъ, то здѣсь надо предполагать вліяніе ближайшихъ имъ Славянъ болгарскихъ, у которыхъ ринезимъ господствовалъ также, какъ и у Ляховъ. Такъ, на-примѣръ, Византіицы пишутъ *Ἰγγυρ*, *Σφινδοσλαβος*, *Λευζανινοί*, *ξομπρος* — вм. русск. *Игорь*,

Святославъ, Лучане, зубръ; они иишуть также прахъ (прагъ — порогъ), Владимиръс (Владимиръ—Володимеръ), Нероугарда, Новоугорданъ (Новгородъ). Такія формы надо приписывать несомнѣнно болгарско-словѣнскому, а отнюдь не „поморскому вліанію на русскій языкъ“, тѣмъ скорѣе, что болгарско-словѣнскій языкъ съ X вѣка сдѣлался общеизвѣстнымъ и на Руси, не только въ церкви, но и въ литературѣ свѣтской; такъ, напримѣръ, въ русской лѣтописи можно встрѣтить на одной и той же самой страницѣ формы градъ и городъ, Владимиръ и Володимеръ. Да, очень можетъ быть, что извѣстныя двойныя названія Днѣпровскихъ пороговъ (по русски и по славянски—*ρωσσι καὶ σκλαβικῆτι*) слѣдуетъ понимать такъ, что одно названіе знали Русь, а другое — дунайскіе Словѣне. Первый порогъ назывался по русски и по-славянски одинаково: „не спи“ или лучше „не сѣи“ (если читать *νεσοοιπῆ*). А уже первый русскій лѣтописецъ говоритъ: „Словѣнескъ языкъ и русскій одинъ. Форма *прагъ* (прахъ) встрѣчается въ названіяхъ двухъ пороговъ, и если читать *Ναπρεζή* = *напрежіе*, *напражіе* — и въ этомъ третьемъ. Константинъ писалъ *прагъ* подъ вліаніемъ болгарско-словѣнскимъ, такъ, какъ раньше его неизвѣстный географъ — подъ вліаніемъ ляхско-польскимъ — приводитъ у восточныхъ Славянъ племя *Запροι* (русс. Запороги, Запорожье). Но пусть Славянинъ, доставившій Константину названія Днѣпровскихъ пороговъ, и былъ новгородскій или дунайскій Словѣнинъ; а въ самыхъ названіяхъ все-таки вовсе не видно „западное нарѣчіе, получившее право гражданства въ Новгородѣ, вслѣдствіе его колонизаціи отъ Балтійскихъ Славянъ“, какъ думаетъ г. Геденовъ (стр. 534). Форма прахъ вовсе не „вендская“. Балтійскіе Славяне говорили, а отчасти говорятъ до сихъ поръ (Кашубы), *партъ* или *портъ* (польск. прогъ), какъ, напримѣръ, гардъ—гордъ (польск. гродъ, русск. городъ), бергъ (польск. брегъ, русск. берегъ), Варны (польск. Врони, русск. Ворони), Вартиславъ (польск. Вроциславъ, русск. Воротиславъ) и пр.; звукъ *і* произносили чисто какъ *і*, какъ и Поляки, восточные Русскіе и южныя Славяне, а не какъ Малоруссы и Бѣлоруссы, Чехи и верхне-лужицкіе Сербы (=лат. *h*). Поэтому и форму прагъ слѣдуетъ толковать не изъ „вендскаго“ (то-есть, собственно чешскаго), а просто изъ болгарско-словѣнскаго. Вышеприведенныя греч. формы Новогардъ (Νεροугαρδα) и Новогордъ (Νοβοугορδων) дѣйствительно приближаются къ ляхскому выговору слова городъ; но къ такимъ формамъ, записаннымъ иноплемениками, нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ. Г. Геденовъ (стр. 358) произвольно измѣняетъ имя *Ладѳіа* въ *Людѳіа* и при-

бавляетъ: „Перестановка согласныхъ въ формахъ Ладога—Lahoda явленіе обыкновенное, какъ у вендскихъ Славянъ (срв. вендскія Belgard, Stargard, Derwan, worna — вмѣсто Belhrad, Starhrad, Drewan, wraha), такъ и у насъ“. Но такое произвольное измѣненіе Ладоги въ Лагоду странно, и кромѣ того, никомъ образомъ не идетъ къ формамъ Вѣлгардъ—Вѣлградъ, по русски всегда Вѣлгородъ. Формъ *Вольъ*, *Вольа* вм. Олегъ и Ольга нельзя считать „варяжскими“, и для ихъ объясненія не нужно обращаться къ балтійско-полабскимъ Славянамъ; вся поднѣпровская Русь знаетъ формы: вікно—окно, вівця—овца, вузкій—узкій и пр.

Всѣ вопросы г. Гедеонова на стр. 343—въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: почему одно слово въ русскомъ языкѣ выходитъ изъ употребленія, а въ западно-славянскихъ языкахъ оно сохраняется дольше, — всѣ эти вопросы совершенно напрасны и лишніе. Почему, напримѣръ, *соки* исчезаютъ у Чеховъ въ XIII, у западныхъ Русскихъ въ XVI в., а Сербы знаютъ ихъ и до сихъ поръ? Почему у люнебургскихъ Славянъ крестьяне назывались *смарды* (*смерды*) еще около 1700 г., а на Руси только до XIV вѣка? Почему ринезмъ — явленіе вовсе не столь „abscheulich“, какъ думалъ Добровскій, — сохранился въ полной силѣ у всѣхъ Ляховъ, а у Русскихъ исчезъ совершенно, кромѣ, пожалуй, такихъ формъ, какъ: время—времени? Съ мнѣніемъ автора, что для объясненія древне-русскихъ памятниковъ необходимо знаніе западно-славянскихъ языковъ, мы вполне согласны, но мы прибавляемъ — вопреки мнѣнію автора — и то, что знаніе русскаго и вообще всѣхъ славянскихъ языковъ тоже необходимо для объясненія древне-чешскихъ памятниковъ.

Если уже говорить о *вліянніи* западно-славянскихъ языковъ на русскій, о *заимствованіи* имъ западно-славянскихъ словъ, то такое вліяніе на русскій языкъ обнаружилъ языкъ не балтійско-полабскихъ, а висло-славянскихъ Ляховъ, языкъ *польскій*; даже вліяніе отдаленнаго *чешскаго* языка на русскій замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ (то-есть, западно-русскихъ) памятникахъ ¹⁾. Это вліяніе замѣтно на первый взглядъ, не смотря на то, что юго-западное нарѣчіе русское близко подходитъ къ польскому (Вѣлоруссы даже дзекають) и чешскому. Такъ, напримѣръ, съ XV вѣка въ памятникахъ юго-западной Руси встрѣчаются польскія слова: вгородъ (ж = польск. i), квалтъ, пицованіе, праца, вшистки, освяченый, опатрность, павлибы, справити гуфы, гетманъ, ротмиسترъ, шихъ, кордъ, повеза, дѣло, ручница, и пр. Та-

¹⁾ Срв. нашу книгу: Славянская взаимность, 207, 249.

кими польскими словами и полонизмами испещрены всѣ письменные памятники юго-западной Руси съ XVI до XVIII вѣка. Поэтому не мудрено, что лучшему знатоку славянскихъ языковъ XVII вѣка, Хорвату Юрію Крижаничу, „бѣлорусское нарѣчіе“ показалось не особымъ нарѣчіемъ, а, скорѣе, измѣненіемъ или просто искаженіемъ польскаго нарѣчія. Вліяніе чешскаго языка на западно-русской замѣтно въ нѣкоторыхъ русскихъ памятникахъ начала XVI вѣка, напримѣръ, въ русской библии д-ра Скорины и въ Пѣснѣ пѣсней. Такъ, напримѣръ, въ нихъ находимъ чисто чешскія слова: крупобитіе, настрои гудебныи, пріестелька, дцера, вечеридло, утирадло и пр. Въ этихъ русскихъ (западно-русскихъ) памятникахъ сильно замѣтно вліяніе западно-славянскихъ языковъ; русскіе писатели или переводчики даже не чувствовали такихъ, духу русскаго языка совершенно противныхъ формъ, какъ, напримѣръ, вгородъ (городъ), дцера (дочь), утирадло (по русски было бѣ: утирало), и пр. Даже географическая номенклатура юго-западной Руси подвержена польскому вліянію: др.-русск. Городна переимѣнилась въ Гродно, Новгородокъ въ Новогрудекъ, Теревовль въ Трёмбовлю, Холмъ въ Хелмъ и пр. И эта ляхская номенклатура употребляется отчасти до сихъ поръ. Только въ такихъ случаяхъ можно говорить о *вліяніи* западно-славянскихъ языковъ на русскій, и о *заимствованіи* послѣднимъ множества словъ и оборотовъ изъ языка польскаго и чешскаго. Но ничего подобнаго нельзя утверждать о вліяніи „варяжскаго“, то-есть, балтійско-славянскаго языка на древне-русскій.

По мѣншію г. Гедеонова (стр. 345) земля *Новгородская*, земля древнихъ *Словѣнь* особенно испытала на себѣ „варяжское“ вліяніе. Въ ней „вѣроятно, существовало варяжское населеніе еще за долго до Рюрика“, и „вся домашняя новгородская жизнь проникнута западно-славянскимъ началомъ“. На западно-славянское вліяніе указываютъ будто бы форма *Годлядь*, *баскупъ* (бискупля улица), фраза „чинити городъ“, названіе мѣсяца *изокъ* (іюнь), *Ильмень*, и употребленіе *и* вмѣсто *ч*. Форма *Годлядь*—если она не ошибка—встрѣчается такъ рѣдко (подлѣ обыкновеннаго *Голядь*: побѣди Изяславъ Голяди 1058 г., люди *Голядь* 1146 г.), что на эту особнякомъ стоящую форму нельзя обращать большаго вниманія. Что касается *Бискуплей* улицы, то надо замѣтить, что, напримѣръ, въ 989 и 1049 г. эта улица называлась *Пискупля*; а форма *пискупъ* сокращенная греческая, а не германская. Но и форма *бискупъ* (др.-нѣм. *biskof*, отсюда западно-слав. *бискупъ*, прусск. *biskops*, лит. *viskupas*) могла быть извѣстна въ Новгородѣ, гдѣ, какъ вообще

часть скен, отд. 2.

на Руси, могла означать западнаго католическаго епископа, какихъ въ сосѣдствѣ Новгородѣ было не мало, и нѣмецкихъ, и скандинавскихъ. Новгородцы могли *городъ чинити*, какъ на Руси городъ рубили, твердили, дѣлали, будовали, робили, строили. Замѣна *ч* звукомъ *ц* (вездѣ, а не только въ концѣ словъ; напримѣръ, Церниговъ, черезъ, луце) и наоборотъ — встрѣчается въ разныхъ земляхъ русскихъ, въ губерніяхъ Костромской, Нижегородской, Владимірской, Архангельской и др.; въ Новгородской говорятъ улча, черква и целовѣкъ, цестъ, въ Нижегородской чарь (царь) и рѣць (рѣчь), и пр. Это явленіе замѣтно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскихъ (*Колосовъ*, Очеркъ, 64, 80, 106); пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ называетъ Русскихъ — Русичи и Русичи. Оно встрѣчается у всѣхъ Славянъ; такъ напримѣръ, люнебургскіе Славяне говорили: цавак, деуса, зена (чловѣкъ, душа, жена), а Мазуры говорятъ такъ до сихъ поръ: цапа, цась, зона; чешское *чо* (что) Словаки произносятъ *чо*; приморскіе Хорваты говорятъ *ча* и *ца*, Сербы *чрни* и *чрни* (черный), Болгаре *чрн* и *чрн*, *чърква* и *чъркова*, и пр. Что касается др.-слов. (а не новгородскаго) названія іюня — *изокъ*, то его происхождение не совсѣмъ ясно; одни считаютъ это слово славянскимъ (*изокъ* = кузнечикъ) а другіе греч. *ἰζακος*, *ἰζαξ* — *genitalia feminea* (Аванасевъ, Поэт. воззрѣн. Слав., III, 666; Эрбенъ въ *Журн. Чешск. Муз.* 1849, 143). Если слово *изокъ* въ *Mater Verborum* и считать подлиннымъ, а не поздней припиской, то это доказываетъ только часто упомянутое нами единство Славянъ, которое видно и въ одинаковыхъ или сходныхъ названіяхъ мѣсяцевъ.

Мнѣніе г. Гедеонова о „варяжскомъ вліяніи“, заявившемся будто въ тожествѣ (?) названій озера *Ильмень* (древняя форма *Ильмерь*) и рѣки „Пмена“ въ „Вендской землѣ“ приводитъ насъ къ важному вопросу о *географическихъ названіяхъ* въ славянскихъ земляхъ. Славянское единство заявило себя въ разныхъ областяхъ общественной жизни, въ томъ числѣ и въ удивительно сходной, даже тождественной географической номенклатурѣ. Такъ, напримѣръ, рѣки Лабс, Лабъ, Лабница, Морава, Ула, Пѣна, Брезница-Березица, Рыбница, Каменица, Ситница, Быстрица, и проч. находимъ въ разныхъ странахъ славянскихъ: Упу — въ Чехіи и на Руси, Мораву — въ Моравѣ и въ Сербіи, Брезвицу, Брезовицу и Березину — у Ляховъ, Сербовъ и на Руси, Санъ и Сапу — у Ляховъ и у южныхъ Славянъ, Пѣну — у Ляховъ и на Руси (Шина), Дунай и Дунаецъ — у южныхъ и западныхъ Славянъ и пр. Что касается названій мѣстностей, то они у Сла-

вѣиъ очень разнообразны; они — или родовыя (— *ичи*, — *ичи*), на-
примѣръ, Ратиборовичи, Попеловичи, Гостирадичи, или взятыя отъ
лицъ (Ярославъ—Ярославль, Хотунь, Краковъ), отъ мѣстоположенія,
почвы или другихъ случайностей (Островъ, Холмъ, Бродъ, Заозерье,
Вышеградъ—Вышегородъ, Старградъ, Новградъ, Бѣлградъ), отъ за-
нятій жителей (Ратае, Рыбаки, Бобровники), отъ прозвищъ (Бѣлоусы,
Туроголовы, Конетопы), пришлецовъ изъ другихъ странъ (Хорваты,
Сербы, Чехи, Древяне) и пр. ¹⁾ Кіевъ, Кіево, Кіевецъ находимъ на
Руси, у Чеховъ, у Мораванъ и у Сербовъ, Врѣхлабѣ—у Чеховъ и
у Сербовъ, Плесковъ—на Руси и у Болгаръ, Плоцкъ и Полоцкъ—у
Ляховъ и у Руси, Переяславль, Прѣславль, Приславль—на Руси, въ Бол-
гарин и у Лютичей, Мельникъ—у Чеховъ, Русскихъ и Болгаръ, Кла-
дурубы—Колодурубы—у Чеховъ, Сербовъ и Русскихъ, Старградъ, Нов-
градъ, Бѣлградъ, Вышеградъ—въ разныхъ земляхъ славянскихъ и пр.
О какомъ-нибудь *влияніи* или *заимствованіи* такихъ названій Славя-
нами другъ у друга нечего и говорить. Если, наприимѣръ, на Руси,
въ Чехіи и на Моравѣ, у Балтійскихъ и южныхъ Славянъ встрѣ-
чаются мѣста Кіевъ, Кіевецъ, Кіево, Кичи, Кіевичи, то нельзя ска-
зать, что Чехи переняли это названіе отъ Русскихъ, и пр.; Кіевъ,
Кіево, Кіевичи,—это городъ или село, основанное Кіемъ, а имя Кій
встрѣчается не только у Русскихъ; мионическій князь Полинъ Кій не
единственный Славянинъ того имени, „дѣдичъ Кій“ (heres Kiy по-
пине) встрѣчается тоже у мазовскихъ Ляховъ (1256 г.) ²⁾ Разные
Старые, Новые, Вѣдые, Высокіе и другіе города—гарды—гроды—
грады Славяне строили вездѣ, а рѣки, вытекающія изъ лѣсовъ березо-
выхъ, дубовыхъ, ильмовыхъ, всюду назвали Березиной, Брезовицей,
Брезницею, Дубравой, Ильменовой, Илемницею. Географическая по-

¹⁾ Срв. о чешскихъ названіяхъ *Палацкаю* (*Журн. Чешск. Муз.* 1834 г., 404),
Г. Иречка (Слав. право, I, 63), *Г. Иречка* (Чеш. грам., 53), о польскихъ *Во-*
дузна (Древне-польск. языкъ 87), о балтійско-славянскихъ нашу книгу: *Германн-*
зація Балт. Славянъ, 24, о юго-славянскихъ *К. Иречка* (Ист. Болг., 84).

²⁾ Г. Геденовъ (стр. 355) считаетъ выраженіе летописца о Кіевѣ «се буди
мати градомъ рускиимъ» — не русскимъ, а занесеннымъ на Русь варяжскими
князьями, которые будто бы назвали такъ Кіевъ по примѣру поморскаго Щетина
«mater civitatum Pomeraniae». Это уже слишкомъ мудрено. Русскій летописецъ
(но, конечно, не самъ Олегъ) говоритъ здѣсь о Кіевѣ, какъ наприимѣръ, Адамъ
Бременскій: *Slivis Ruszias metropolis civitas*. Прозвище Кіева *Уарѣтата* не можетъ
быть угорское (493), такъ какъ Мадыры свой *szombat* (суббота) переняли отъ
дунайскихъ Словянъ (сѣбота). Соброта, Собротица, Суботица (мадырск. Омбать)—
названія многихъ мѣстъ въ Угріи.

менклатура могла переноситься вмѣстѣ съ колонизаціей другихъ странъ выходцами-колонистами, какъ это видно, напримѣръ, на Руси: выходцы съ юга называли города, рѣки и пр. въ колонизируемой ими сѣверо-восточной Руси по южно-русски; такъ, напримѣръ, встрѣчаемъ въ южной и сѣверо-восточной Руси Володимиръ, Ярославль, Галичъ, Перемышль, Переяславль, Лыбедь, Трубежь и пр. Объ этой русской колонизаціи имѣются *положительныя извѣстія*, такъ что здѣсь можно до известной степени говорить о заимствованіи. Несомнѣнно, что и въ болѣе отдаленныя времена, о которыхъ положительныхъ извѣстій не имѣется, происходили такія *переселенія племенъ или только родовъ* изъ одной страны въ другую. Русскій лѣтописецъ сохранилъ намъ преданія о выселеніи многихъ племенъ русскихъ изъ дунайскихъ странъ, и о переселеніи Радимичей и Вятичей изъ западныхъ предѣловъ, изъ Ляховъ; подобныя же преданія сохранились у Чеховъ, Поляковъ, Хорватовъ и Сербовъ. На сколько эти преданія достовѣрны — трудно рѣшить. На переселеніе указываютъ тоже одинаковыя названія *племенъ* въ разныхъ странахъ славянскихъ, встрѣчающіяся позже въ историческое время, когда племена слагались уже въ народы. Такъ, напримѣръ, Дульбы встрѣчаются на Руси, въ Чехіи и въ Паноніи (Дудлебы), Хорваты—въ Карпатахъ, Кръконошахъ и на югѣ, Сербы—на Лабѣ и на югѣ, Сѣверяне—на Руси и въ Болгаріи, Мильчаче—у полабскихъ Сербовъ и въ Пелопонесѣ, Волыняне—на Руси, у Балтійскихъ Славянъ и у Чеховъ и пр. Но иногда племена могли называться одинаково и по поводу занимаемой ими почвы, какъ напримѣръ, восточные и западные Поляне, Древлане могли назвать себя такъ „зане сѣдоша въ поляхъ и деревьяхъ“. На выселеніе отдѣльныхъ выходцевъ изъ одного племени въ другія мѣста указываютъ названія селеній; такъ напримѣръ, села Хорваты встрѣчаемъ у полабскихъ и Балтійскихъ Славянъ, Чехи—у Поляковъ и пр. (Селенія въ родѣ Сербичи или Чехово нельзя считать слѣдомъ выходцевъ: они происходятъ уже отъ основателей, носившихъ имя Серба или Чеха).

Все здѣсь вообще о всѣхъ Славянахъ сказанное касается, конечно, и отдѣльныхъ ихъ частей. Мы уже выше говорили вкратцѣ о лингвистическихъ особенностяхъ и отличіяхъ *нарѣчій ляхскихъ* (въ обширномъ смыслѣ) и *русскихъ*; эти особенности существуютъ уже съ древнѣйшихъ временъ, то-есть, на сколько намъ нарѣчія ляхскія и русскія известны по письменнымъ памятникамъ. Очень можетъ быть, что въ древнія времена Ляхи выселялись на (позднѣйшую)

Русь, а восточно-славянскія (русскія) пленена или по крайней мѣрѣ выходцы изъ этихъ племенъ—на западъ, въ земли Ляховъ. О такихъ переселеніяхъ сохранились даже темныя преданія до XII—XIII вѣковъ. Такъ, напримѣръ, еще первый русскій лѣтописецъ выводитъ отъ Дуная Ляховъ-Полянъ, Лютичей, Мазовшанъ, Поморянъ, наравнѣ съ Кіевскими Полянами, Деревлянами, Дреговичами, Полочанами, Сѣверянами и Новгородскими Словѣнами. Всѣ эти славянскія племена выселились—по этимъ преданіямъ—изъ дунайскихъ странъ вслѣдствіе нашествія Волоховъ—Римлянъ. Отголоски этихъ преданій слышны и въ польской и чешской лѣтописи XIII—XIV вѣковъ. Польская лѣтопись выводитъ Славянъ изъ дунайскихъ странъ—Панноніи (*Pannonia—mater et origo omnium slavonicarum nationum*) и считаетъ мнимыхъ праотцевъ Чеховъ, Ляховъ и Руси—Чеха, Лѣха и Руса, сыновьями князя панонскаго, то-есть, славяно-дунайскаго. Чешская лѣтопись тоже выводитъ западныхъ и сѣверныхъ Славянъ изъ южныхъ, дунайскихъ странъ. По русской лѣтописи Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка. Такія переселенія возможны и вѣроятны. Они могли быть добровольныя или вынужденныя; князь завоевательнаго племени покорилъ и занялъ земли другихъ племенъ (срв., напримѣръ, преданія о прибытіи Хорватовъ и Сербовъ на югъ), или князь-побѣдитель перевелъ жителей покоренныхъ странъ въ свои земли; такъ, напримѣръ, въ XI вѣкѣ Болеславъ Храбрый перевелъ много полабскихъ Сербовъ въ Польшу; чешскій Брячиславъ перевелъ жителей польскаго города Гедча въ Чехію, гдѣ они жили еще въ XII вѣкѣ; русскій Ярославъ поселилъ плѣнныхъ Ляховъ на южной Руси „по Рѣси (Рси), и суть до сего дне“. Эти Сербищане, Гедчане и Порѣсьяне (Поршане) однако скоро исчезли въ массѣ своихъ соплеменниковъ.

У Ляховъ встрѣчаемъ, съ древнѣйшихъ временъ, напримѣръ, племена Сусловъ (въ Вагріи), Древлянъ и Лучапъ (за Лабой), Смоленъ, Волянъ (на островѣ Волянѣ), Полянъ (на Вартѣ), Сѣверянъ, селенія Кривичи, Хорваты и пр. О ихъ связяхъ съ восточнославянскими (рускими) Суслами, Деревлянами, Лучанами, Смольянами, Волянцами, Полянами, Сѣверянами, Кривичами, Хорватами (западными или восточными) не знаемъ никакихъ преданій; равнымъ образомъ не знаемъ ничего о связяхъ чешскихъ и панонскихъ Дудлебовъ (*Dudleira* уже въ XI вѣкѣ, *Dudlebi* въ X вѣкѣ), чешскихъ Волянъ, Хорватовъ, Лучанъ съ одноименными племенами ляхскими и русскими. О нихъ не сохранились даже такія преданія, какія

имѣются въ русской лѣтописи о Радимичахъ и Вятичахъ. Но если даже предположимъ, что упомянутыя ляхскія племена переселились когда-то изъ восточной Славянщины, то они, поселившись между родственными племенами, скоро лишились своихъ діалектическихъ особенностей, какъ случилось то съ Гедчанами и Поросьянами. Такъ, напримѣръ, у западныхъ *Волянъ* названія лицъ и мѣстностей указываютъ на ляхскія нарѣчія: Waanzlow, Damerow, Glambock, то-есть, Вацславъ, Дамбуво, Глябокъ. Мы видѣли, что въ Волянѣ пребывали еще въ XI вѣкѣ русскіе купцы, и изъ Волянъ происходилъ мненчскій богатырь Дюкъ Степановичъ; но изъ этого нельзя, конечно, ничего заключать о какомъ бы то ни было русскомъ вліяніи на Волянъ. Племя залабскихъ *Древянъ* или *Дравянъ* называлось такъ, по западно-славянски, уже въ началѣ XI вѣка (Drevani, а. 1004), а не Деревляне; и вся географическая номенклатура и записанные около 1700 г. памятники этого нарѣчія указываютъ на его западно-славянское, ляхское происхожденіе¹⁾. То же самое увидимъ наоборотъ, если принять переселеніе восточно-славянскихъ Полянъ, Волянъ, Деревлянъ и другихъ племенъ изъ западно-славянскихъ странъ. Объ особенностяхъ западно-славянскихъ нарѣчій у нихъ нѣтъ и помину. Радимичей и Вятичей считали на Руси еще въ XII вѣкѣ выходцами изъ Ляховъ. Но о какихъ-нибудь слѣдахъ ляхскаго происхожденія въ ихъ, конечно, очень скудной номенклатурѣ въ древнѣйшій періодъ ничего не знаемъ; городъ Вятичей Дѣдославль (1147 г.) имѣетъ чисто-русскую форму. Если въ преданіи о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ Ляховъ есть доля правды, то позволимъ себѣ указать на племенное названіе *Вятичей* какъ на обрусѣвшее ляхское. Мнимыхъ праотцевъ Радима и Вятка можно — наравнѣ съ Чехомъ, Лѣхомъ, Русомъ, Хорватомъ — кажется, помѣстить въ славянскій пантеонъ. Названія *Вят-ичи* не нужно считать непременно патронимическимъ, какъ будто это потомки Вятка. Такихъ названій съ окончаніемъ *ичи*, но не патронимическимъ, встрѣчается довольно на Руси и у другихъ Славянъ, напримѣръ, Дреговичи (дрегва, дрягва—тошь, тря-

¹⁾ Если г. Геденовъ (стр. 311) указываетъ на слова *jewegan* (нперевъ) и *pinka* (невѣста, срн. русск. нянька), извѣстныя будто только у Црвкнъ и у Русскихъ, то слѣдовало ему привести мнѣніе Шафарика объ этомъ *столинъ* (Слав. Древн., § 44, прим. 352). Къ словарю у Шафарика прибавляемъ: серб. *nana* — мать, обл. польск. *przez=bez* (древян. *priz*); смерды или смарды были извѣстны *всѣмъ* Ляхамъ (см. выше); древниск. *klawar*, *klawrik*—*Junggeselle*, *Knaube*, во др.-слав. *клеврскъ*, а слово чужое, какъ и польск. *kawaler* (холостякъ).

сина), Москвичи, Плесковичи, Тверичи, Лютичи, вѣроятно, и Кривичи (срв. Карвоны у Птолея, и ишѣшнее латышское названіе Русскихъ—Крени) и проч. Какъ, напримѣръ, *Лютичи*—люди лютые, такъ и *Витичи*—люди *витые*. Слово *вять* сохранилось во всѣхъ славянскихъ языкахъ; др.-русск *вят-шій* = бдльшій, др.-словенск. *вѣщій*, *вѣщій* (а у венеціанскихъ Словенцевъ *вепчи*), др.-польск. *вѣт-шій* (*więtszy*, теперь *większy*), чешск. *вѣтшій*. Польская форма съ, носовымъ звукомъ *вѣтшій* (=др.-русск. *вятшій*) напоминаетъ намъ старинное названіе Славянъ, употребляемое у иноплеменниковъ, но прежде—на вѣрное—и у самихъ Славянъ: *Veneti*, *Heneti* (*Eneti*), *Venedi*, *Vinidi*, *Vendi*, *Vindi*, *Vineti*, *Venti*. *Venetici qui et Sclavi dicebantur*, пишетъ одинъ Италіанецъ VII вѣка о Словенцахъ. *Венеты* или *Венеды* (германская форма) было общее названіе всѣхъ позже такъ называемыхъ славянскихъ племенъ. Преимущественно такъ назывались *Венеты балтійскіе*; ихъ знаютъ Плиній, Тацитъ, Птоломей, который помѣщаетъ ихъ „по всему заливу Венедскому“, то-есть, Балтійскому морю. А *балтійскихъ Славянъ*—этихъ *Ляховъ* русскаго лѣтописца—продолжаютъ называть *Випидами*, *Венедями*, *Вендами*, *Виндами*, *Випетами* ихъ германскіе сосѣди, Нѣмцы и Скандинавы, и называютъ ихъ такъ до сихъ поръ: лужицкіе *Венды*, люнебургскіе *Венды*. Сами же Славяне не называли себя—но крайней мѣрѣ въ историческое время—*Вендами*, а какъ уже выше сказано, *Словенями*. Названіе *Венедовъ* Нѣмцы употребляли то въ обширномъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ всѣ позже-славянскія племена, то опять въ смыслѣ тѣсномъ, то-есть, означая имъ своихъ ближайшихъ сосѣдей, западныхъ, преимущественно полабско-балтійскихъ Славянъ; если писали на латинскомъ языкѣ, то употребляли тоже форму *Sclavi*. Такъ, напримѣръ, готскій лѣтописецъ *Иорнадъ* (пис. около 550 г.) знаетъ всѣхъ Славянъ подъ стариннымъ названіемъ *Винидовъ*, помѣщая ихъ на сѣверъ отъ *Дакіи* и *Карпатовъ* въ огромныхъ пространствахъ (*per immensa spatia Winidarum natio populosa consedit*). Но кромѣ этого общаго названія, готскій лѣтописецъ знаетъ названіе *Veneti* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; насколько можно понять его не совсѣмъ ясныя слова, онъ подъ *Венетами* разумѣетъ западныхъ Славянъ, вѣроятно, балтійско-визлянскихъ. *Винидовъ* раздѣляетъ на двѣ главныя части—на *Словянъ* (*Sclavini*, *Sclavi*), отъ *Вислы* черезъ Дунайскія страны къ *Днѣстру* (къ нимъ примыкали и упомянутые *Венеты*), и *Антовъ*, отъ *Днѣстра* до *Чернаго моря* на сѣверъ въ страны подвѣтровскія (*Antes, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare*

curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danarum). Этихъ дунайскихъ, висянскихъ и лабскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ знаютъ и Византійцы VI вѣка; Проконій поощааетъ Антовъ на сѣверъ отъ Меотійскаго озера (Antarum populi infiniti). Анты, вмѣстѣ съ своими ближайшими соплеменниками и сосѣдами, Словѣнами, часто нападали на Византійскую имперію и переправлялись за Дунай. Но съ начала VII вѣка названіе Антовъ въ черноморскихъ странахъ исчезаетъ; ихъ преемниками дѣлается здѣсь Русь. Но намъ кажется, что названіе Антовъ въ Поднѣпровьѣ не исчезло совсѣмъ, а сохранилось въ древне-русскихъ *Вятичахъ*, или съ носовымъ звукомъ *Вантичахъ* — *Влтичахъ* (Antes, Eneti подлѣ Heneti, Veneti, Venti). Кромѣ того, въ германскихъ нарѣчіяхъ сохранилось слово *ent*—исполинь, великанъ, которое очень хорошо объясняется славянскимъ *vent* (др.-словенск. вѣщій, др.-польск. вѣтшій, др.-русс. вятшій)—великанъ. „Fortissimi Antes“ могли сами себя величать Вентами—великанами и слыть такъ у Нѣмцевъ, равнымъ образомъ какъ и другіе, балтійскіе Венеты, могли назваться лютыми велетами—золотами—великанами, *Лютичи*, *Велети* (a fortitudine Wilzi sive Lutici arpellantur). Вятичи часто возставали противъ русскихъ князей, и еще Владиміръ два раза долженъ былъ ихъ усмирять. Если Вятичи, вышедшіе изъ Ляховъ, то-есть, балтійско-висянскихъ Славянъ, — Анты, то становится понятнымъ носовой звукъ въ ихъ древнемъ названіи (Анты, Ванты, Вантичи), который сохранился въ ляхскомъ (древне-польскомъ) вѣт-шій (wigtzy). Но ринезмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ Антами, которые являются потомъ чисто-русскими Вятами (срв. Вятскіе города), Вятичами. Нашей догадкѣ мы не придаемъ никакой особенной важности; но опираясь на распространенное еще въ XII в. на Руси преданіе о происхожденіи Радимичей и Вятичей изъ „Ляховъ“, мы попытались, насколько это вообще возможно, объяснить его. Во всякомъ случаѣ наше предположеніе о связи имени Антовъ и Вятичей болѣе позволительно, чѣмъ, напримѣръ, разныя мудрствованія г. Забѣлина (стр. 185) о томъ, какъ эти ляхскіе поклонники „Рад-Госта“ и „Свѣто-Вита“ переселялись на востокъ нѣсколько вѣковъ, „не по указамъ правительства, а по своей доброй волѣ, быть можетъ, вслѣдствіе домашнихъ междуособій или вслѣдствіе простой тѣсноты населенія“.

На Руси еще въ началѣ XII вѣка существовали разныя преданія о происхожденіи восточно-славянскихъ племенъ. Такъ, Радимичи и Вятичи производили себя изъ Ляховъ, отъ двухъ братьевъ Радима

и Вятка, равнымъ образомъ какъ Русь — Русичи считали еще въ X вѣкѣ Руса своимъ праотцемъ. Другія племена выводили себя съ юга отъ *дунайскихъ Словѣнь*, откуда они выселились вслѣдствіе нашествія „Волоховъ“, то-есть, Римлянъ, въ Дунайскія страны, Паннонію и Дакію. Это завоеваніе дунайскихъ странъ Римскимъ императоромъ Траяномъ осталось глубоко въ памяти всѣхъ южныхъ и восточныхъ Славянъ; имя Римскаго императора было на Руси извѣстно еще въ XII вѣкѣ, и Траянъ у южныхъ и восточныхъ Славянъ переимѣнился даже въ бога и въ существо злое, боящееся свѣта. Въ восточной Славянщинѣ производили себя изъ дунайскихъ странъ именно кievскіе Поляне, Деревляне, Дреговичи, Полочане, Сѣверяне, и наконецъ, „Словѣни же сѣдоша около езера Илмера, прозвашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ, и нарекоша ѿ Новъгородъ“. Вмѣстѣ съ этими племенами выселились тогда—по преданіямъ русскимъ—изъ дунайскихъ странъ тоже ляхскіе Славяне. „Словѣни ови пришедше сѣдоша по Вислѣ и прозвашася Ляхове; а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове другіи Лутичи (Лютичи), ини Мазовшане, ини Поморяне“. Такимъ образомъ, на Руси еще въ XII вѣкѣ считали Ляховъ и Русь ближайшими родственниками, и не мудроно, что вскорѣ послѣ Руса являются и его два брата Лѣхъ и Чехъ.

Это важное преданіе, записанное на Руси, вполнѣ подтверждается и другими свидѣтельствами. Слѣды Славянъ въ дунайскихъ и карпатскихъ странахъ являются очень рано. Уже около Р. X. и въ первыхъ двухъ столѣтіяхъ нашей эры въ тѣхъ странахъ являются географическія названія съ чисто славянскимъ характеромъ; такъ на примѣръ, озеро Пелсо — Плесо (нынѣ Влатенское), Потисье (земли по Тисѣ), Черна, Выстрица, Гронъ, Брѣзава, Пешть и др. Эти дунайскіе Славяне примыкали, вѣроятно, къ своимъ соплеменникамъ, адриатическимъ Венетамъ. Въ V вѣкѣ осѣдлые жители дунайскихъ странъ приготовляли напитокъ *медъ* и отправляли надъ умершимъ *страми*, а въ VI вѣкѣ Юрнандъ и Проконій знаютъ ихъ подъ названіемъ *Словѣнь*. Эти Словѣне жили въ подкарпатскихъ странахъ на востокъ до Днѣстра, примыкая здѣсь къ ближайшимъ своимъ соплеменникамъ Антамъ, и раздѣлялись на нѣсколько племенъ, называемыхъ разнообразно (*per varias familias et loca*), на примѣръ, Сотакъ, Сѣверяне, Водричи. Эти Словѣне переселялись и на югъ, за Дунай, въ Византійскую имперію, и заняли большую ея часть, доходя до самаго Пелопонеса; за Дунаемъ встрѣчаемъ Хорватовъ, Сербовъ, Сѣверянъ, Смоленъ и др. Но всѣ эти племена подунайскія и

задунайскія назывались общимъ національнымъ именемъ *Словѣне*, *Словене*, ихъ языкъ—*словѣнскимъ*, *словенскимъ*. Это старинное названіе сохранилось въ тѣхъ странахъ до сихъ поръ; подкарпатскіе Славяне называютъ себя *Словаки*, а языкъ—*словенскимъ* (никогда: словацкимъ), и Славяне, поселившіеся на западѣ за Плесомъ, въ древней Паноніи и Норикѣ, *Словенцы*, а языкъ тоже *словенскимъ*. Формы *Словакъ* и *Словенецъ* относится къ формѣ *Словѣнникъ*, *Словенинъ*, какъ напримѣръ, *Полякъ*—*Полянинъ*—*Полянецъ* (у *Словенцевъ*), *Русакъ*, *Руснакъ*—*Русинъ*, *Моравакъ*—*Мораванинъ*—*Моравецъ*, *Слезакъ*—*Слезанинъ*, *Волинецъ*—*Волинянинъ*, *Новгородецъ*—*Полочанинъ* и пр. ¹⁾. И такъ, уже въ VI—VIII вѣкахъ почти всѣ земли дунайскія, отъ Карпатовъ на югъ до Альповъ и до Адриатическаго моря, и съ другою стороны—до морей Чернаго и Эгейскаго, всѣ эти земли занимали многочисленныя племена словѣнскія; всѣ эти Драговичи, Мораване, Бръзьяки, Сѣверяне, Мильчане, Смолены, Хорваты, Хорутане и др. говорили нарѣчiami „словѣнскими“. Но имя „Словѣне“ употреблялось и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, означая тоже одно племя въ Македоніи или Фессаліи „Словѣнъ“ κατ' ἐξοχὴν; эта Σκλαβινία упоминается еще въ IX вѣкѣ какъ „княженіе словѣнское“, гдѣ княжилъ св. Меѳодій.

Но имя Словѣнъ распространилось и дальше на сѣверо-западъ, въ земли по Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ до Балтійскаго моря. Минувя пока не рѣшенный вопросъ, были ли *Suevi* римскихъ и греческихъ писателей Словѣне (*Suevi* = *Slavi* = *Slavi*), мы узнаемъ изъ Прокопія, что въ концѣ V вѣка (495 г.) всѣ земли между среднимъ Дунаемъ и Балтійскимъ моремъ занимали „словѣнскія племена“ (*Slavenorum* populi). Современникъ Прокопія, Иорнадъ (552 г.), называетъ висяскія племена тоже Словѣнами ²⁾. Всѣ эти многочисленныя племена по Моравѣ, Лабѣ, Одрѣ и Вислѣ назывались тоже общимъ именемъ Словене, Славяне, а языкъ свой называли словенскимъ, славянскимъ; подъ этимъ именемъ они были извѣстны и своимъ южнымъ соплемен-

¹⁾ Замѣтитъ здѣсь, что старинная форма, употребляемая у всѣхъ Славянъ,—Словѣнникъ, Словенинъ, Словенецъ, Словакъ, а не Славянникъ, Славенинъ; по-оцѣднѣя форма встрѣчается только съ начала XVII вѣка. Ср. *Шафарика Слав. Древн.*, § 25.

²⁾ Какія именно племена на сѣверѣ подразумѣваетъ Иорнадъ подъ именемъ Славянъ—трудно рѣшить. Главное затрудненіе представляютъ его слова: *Slavini a civitate Novietu nense (var. Nova, Novae) et lacu qui appellatur Musianus (var.: Mursianus), usque ad Danastrum, et in boream Vistula tenus, commorantur*. Гильфердингъ (а раньше его чешскій историкъ Вальбинъ) считаетъ это озеро «Моекницъ» (=Ильменскій) и городъ «Новгородомъ». Но одна ли можно здѣсь

пикамъ, и своимъ нѣмецкимъ сосѣдямъ, которые ихъ называли тоже Вендами. Такъ, напримѣръ, чешскіе просвѣтители, Войтѣхъ и Прокпій, называются „Словениномъ“, „дѣдичемъ словенскимъ“, равнымъ образомъ какъ просвѣтители моравскихъ Словенъ, св. Константинъ и Меодій, называются апостолами Словѣнъ, посланные въ „словѣнскія“ земли князей Ростислава, Святопола и Коцела; св. Меодій былъ „княземъ словѣнскимъ“ и такъ называетъ старинный біографъ св. Меодія и князи Ростислава; польскій князь Болеславъ величается королемъ словенскимъ (Slavogum) и проч. Это общенародное имя продолжали западные Славяне употреблять и впоследствии, когда у нихъ образовались государства и народы чешскій и польскій. У Балтійскихъ Славянъ это ихъ общее народное названіе господствовало всегда; Водричи, Лютичи, Поморяне, Вагры, Хижане, Рапе называли свой языкъ не бодричскимъ или лютичскимъ, а всегда только словенскимъ (lingua slavica). Нѣкоторые князья бодричскіе и поморскіе назывались князьями славянскими (Slavogum, der Wenden). „Словенскимъ“ называли свой языкъ и западные остатки этихъ Славянъ на нижней Лабѣ еще около 1700 г., и другіе восточные остатки этой Славянской страны называютъ себя до сихъ поръ Словинцами, а свой языкъ—словинскимъ, словенскимъ. И между этими Балтійскими Словенами была особая „земля словенская“, то-есть, округъ нынѣшняго города *Словна* (нѣм. Schlawe) въ Помераніи; этотъ городъ и земля *Slauna, Slawena, Zlawe, Zlowe* часто упоминается въ грамотахъ XII—XIII вѣковъ (срв. нашу книгу: Германизація Балтійскихъ Славянъ, 31 — 33).

Равнымъ образомъ, какъ западныхъ Славянъ—Мораву, Чеховъ и Ляховъ, такъ выводятъ русскія преданія и многія восточно-славянскія племена отъ дунайскихъ Славянъ. По этимъ преданіямъ, вышли изъ дунайскихъ странъ *Словѣне* и прозванасы именн своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: Поляне (въ поляхъ), Древляне (въ лѣсахъ, деревьяхъ), Дреговичи (въ дрегвахъ, топахъ), Полочане (но рѣкѣ Полотѣ), Сѣверяне (либо старинное племенное названіе, либо жители сѣвера); наконецъ, *Словѣне*, поселившіеся около озера Ильменскаго и прозваншіеся своимъ именемъ. Въмѣстѣ съ этими племе-

подразумѣвать такія отдаленныя страны, особенно если принять во вниманіе что Юриантъ сѣверною гранью Словѣнъ считаетъ Вислу. Поэтому locus Mursianus скорѣе можно искать въ болотахъ у г. Мурсы (Murga, нынѣшній Ослякъ на Дравѣ, въ Славоніи), а г. Nova, Novae въ Верхней Мизіи, на востокъ отъ Виннакія (Драничева).

нами или только ихъ частями навѣрное переселились и другія племена, но у нихъ подобныя преданія не сохранились. Трудно теперь рѣшить, можно ли записанныя въ русской лѣтописи преданія понимать буквально, то-есть, связывать выселеніе многихъ славянскихъ племенъ въ страны днѣпровскія съ завоеваніемъ дунайскихъ странъ Волохами—Римлянами; невѣроятнаго здѣсь нѣтъ ничего, и многія дунайско-славянскія племена могли искать убѣжища у своихъ вислинскихъ и днѣпровскихъ соплеменниковъ, у тѣхъ воинственныхъ Венетовъ, которые, по словамъ Тацита, жили (*latrociniiis peregrant*) во всѣхъ земляхъ между Финнами и поддѣстровскими Певкинами, стало быть, въ земляхъ по Вислѣ и по Днѣпру. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что славянская колонизація въ днѣпровскихъ странахъ шла съ юга на сѣверъ и на сѣверо-востокъ; славянскія племена подвигались на сѣверъ и отодвигали племена чудскія, память которыхъ сохранилась въ географической номенклатурѣ тѣхъ ославаивенныхъ странъ. Важную роль въ этой колонизаціи играютъ племена, поселившіяся на окраинахъ славянскаго міра — Вятичи, Кривичи и Словѣне. Географъ II вѣка, Птоломей, знаетъ въ „Сарматіи“ разныя племена по именамъ, а въ нихъ числѣ и славянскія; за великимъ народомъ Венедовъ (по Венедскому заливу) помѣщаетъ онъ, между прочимъ, Ставанъ или Суовень, Карвоновъ и Саваровъ, которыхъ можно безъ особыхъ натяжекъ считать Словѣнами, Кривичами (Кривянами), Сѣверянами.

И такъ, на самомъ сѣверѣ всего славянскаго міра, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ странахъ около Ильменскаго озера поселилось племя славянское, которое долго сохраняло это общее племенное имя (еще въ XII вѣкѣ въ вопросахъ Кирпка: Словенинъ), между тѣмъ какъ другія славянскія племена назывались по мѣстамъ, гдѣ сѣдоша. Эти Словѣне построили *Новгородъ*, по которому и позже стали называться. „Разъясненіе географіи новгородскихъ Славянъ“, замѣчаетъ г. Н. Барсовъ (Очерки русской исторической географіи),—„должно имѣть важное значеніе въ русской исторической наукѣ, ибо съ нимъ связаны разъясненія вопросовъ о ходѣ *славяно-русской колонизаціи* на инородческомъ сѣверо-востоцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся вѣтъ Новгородскихъ Славянъ есть ни что иное, какъ древнѣйшіе переселенцы изъ славянскаго Поддѣпровья въ южную часть озерной области, вытѣснившіе первоначальное инородческое населеніе. Гдѣ въ озерной области находились самыя раннія и наиболѣе сплошныя поселенія Славянъ, сложившіяся подъ влияніемъ Новгорода въ отдѣльную землю

Новгородскихъ Славянъ, какими путями шли къ нея дальнѣйшія выселенія въ инородческія земли, и какихъ предѣловъ къ концу XI и началу XII вѣка достигли эти расселенія, а съ ними и Новгородская облѣсть,—вотъ вопросы, которые представляются на первомъ планѣ въ исторической географіи древняго Новгорода, и которые, за недостаткомъ письменныхъ источниковъ, могутъ быть обстоятельно разрѣшены только путемъ филологическаго изученія географической номенклатуры древней Новгородской области и мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій остатковъ древнѣйшихъ поселеній, которые сохранились тамъ до нашего времени⁴. Воплиъ соглашаясь со словами г. Барсова, мы прибавимъ, что для удовлетворительнаго достиженія этой цѣли необходимо знать не только славянскія, но и чудскія нарѣчія, чтобы съ достовѣрностью отдѣлать славянскій слѣдъ отъ первоначальной чудской основы. Недостатокъ основательныхъ свѣдѣній по финской филологіи и археологіи можетъ очень легко повести къ разнымъ заблужденіямъ и ошибочнымъ заключеніямъ, въ родѣ того, что случилось съ г. Геденовымъ, который, совсѣмъ произвольно измѣнивъ *Ладону* въ *Лаоду*, считаетъ это имя славянскимъ (стр. 358). Подробное изслѣдованіе чисто славянской географической номенклатуры, вмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ новгородскихъ гворовъ, покажетъ всю *несостоятельность* вышеупомянутаго, совершенно произвольнаго связыванія Новгородскихъ Словъ съ Балтійскими Словенами, Новгорода и Славна съ балтійскими Новгородами и Сливномъ, новгородскихъ названій въ родѣ Ярославичи, Радгощъ, Витославичи, Словинка, Словинское, Зарѣчье, Звѣринецъ, Перниъ (отъ Перуна?) и проч. съ подобными балтійско-славянскими Радгонъ, Словино, Словенковъ, Зарѣчье, Звѣрингъ, Перунъ (Перонъ) и проч. Такія названія можно найти у всѣхъ Славянъ: Ярославичи, Витославичи, Радгощъ, Зарѣчье, Звѣричъ—гдѣ угодно, села Словинье у Сѣрбовъ и у Хорватовъ, Перунъ у Хорватовъ и проч. ¹⁾ Новгородское нарѣчіе намъ хорошо извѣстно; оно уже по древнѣйшимъ памятникамъ носитъ чисто русскій характеръ, безъ всякой прикѣсы западно-славянскихъ нарѣчій. Языкъ новгородскихъ памятниковъ не представляетъ такой смѣси, какая замѣтна въ памятникахъ подлѣвовской Руси со временъ польскаго владѣчества. Такъ, на-

¹⁾ Вотъ, напримеръ, какія любопытныя названія встрѣчаются въ Новгородской землѣ: мѣста Дунайскъ, Дунаевка, Чехово, Лехово, Ляховичи, Морева, Раса, поле Дунай, поле Киевъ, поле Волоотово, Лихова пустошь, Голдника гора, ручей Жуванка и проч.

пригѣръ, новгородскіе Словѣне говорили: Новгородъ, Городецкъ, Торговище, Ярославле дворѣще, Пискуля улица, Козы Вородки, Къземль, Заволочье (срв. *Барсова*, Матеріалы для ист.-геогр. словаря Россіи, подъ „Новгородъ“); эти названія были бы по „вендскѣ“—Новгардъ, Гардецкъ, Тарговиште, Ярославле дворѣште, Вискомья улица, Козы Бардки (Бордки), Къземь (если это слово происходитъ отъ земля, западно-слав. земля), Залачье. Ныпѣшнее новгородское (то-есть, вообще сѣверно-русское) нарѣчіе не представляетъ тоже никакихъ западно-славянскихъ особенностей (срв. *Далъ* Толк. словарь, I, стр. 31—37). Если на сѣверѣ кое-гдѣ дзекать (дзекать), какъ напригѣръ, Поляки, то эта особенность встрѣчается и въ русскихъ нарѣчіяхъ древнихъ Кривичей и Дреговичей (Бѣлоруссовъ). Тверской Торжчанинъ, который *ходѣннъ въ дзеканн*, или ярославскій Сяткаръ (Сицкаръ), говорящій *будзѣнн*, *идѣнн*, такіе же Русскіе, какъ Москвиты или Владимирецъ, говорящіе *будетъ*, *идѣтъ*; также и дзекать Гродневской губерніи, говорящій *пуойдзе* (пойдетъ), такой же Русскій, какъ и его сосѣдъ *декала*, говорящій *пуойде*. Равнымъ образомъ и не всѣ Ляхи дзекать, или скорѣе, дзекали; такъ напригѣръ, слова восточныхъ Ляховъ (Поляковъ) *dziewięć*, *chodzieć*, *będzie*, *dziecięć* западные Ляхи (балтійскіе, люнебургскіе) произносили *devet*, *chūdit*, *bađe*, *detę*; да и въ древне-польскихъ нарѣчіяхъ не всѣ дзекали (*Бодуэнъ*, Древне-польскій языкъ, 43). Въ сѣверно-русскихъ говорахъ встрѣчаются нѣкоторыя слова, неизвѣстныя другимъ великорусскимъ говорамъ, а извѣстныя нарѣчіямъ западно-славянскимъ и западно-русскимъ, напригѣръ: черевники, швецъ, досить, робить, почекать, орать, бажить, ручникъ, притулиться, столованье, борю, отповѣдь и проч. Но все это, конечно, не даетъ еще права называть Новгородцевъ или Вологодцевъ „Ляхами“ или „Чехами“. Въ 1580 г. польскій ученый Христ. Варшевицкій выводилъ Поляковъ изъ Новгорода, такъ какъ новгородское нарѣчіе больше всего похоже на польское, да и сами Новгородцы тиномъ своимъ подходятъ къ низовой шляхтѣ. Это мнѣніе Варшевицкаго, конечно, имѣетъ такую же научную цѣну, какъ и мнѣнія о „ляшскомъ“ происхожденіи сѣверно-русскихъ Словѣнъ, всѣхъ или только ихъ части.

Г. Гедеоновъ (стр. 347) считаетъ западными (то-есть, западно-славянскими) новгородскія названія Волоотово, улица Прусскую, Боркову, Вискулю (см. выше), Иворову (почему же и не Варяжскую?). Но Волотъ, Борекъ и Иворъ такіе же новгородско-русскія имена, какъ и Твердиславъ, Ратиборъ, Воротяславъ, Твориниръ, Милонгъ, Лчонъ,

Радко, Гаврило Кіянниновъ, Коснятинъ (Константиновъ) Прокопійничъ, Ворецкій, ради которыхъ вовсе не нужно ходить за море къ лютичскимъ Велетамъ или къ старинному шляхетскому роду Борковъ, столь старому, „какъ дьяволъ“, или къ поморскимъ Ратиборамъ, Вартиславамъ, Косенамъ и др. Волоть или Велеть—имя на Руси очень распространенное, встрѣчающееся въ разныхъ географическихъ названіяхъ (срв. *Шафарика* Слав. древности, § 44, № 3). Прусская улица прямо указываетъ на колонію Прусовъ, вѣроятно, купцовъ, все-равно, литовскихъ ли еще или уже нѣмецкихъ; позже „Прусы“, конечно, были уже такіе же русскіе Новгородцы, какими были и „Славяне“, жители Славна (части города), или жители улицъ Борковой, Люгочей, Яневой, Бояней, Добрыней, Волосовой, названныхъ по Борку, Люгости, Яну, Бояну, Добрынѣ, Волосу (богу ли или человѣку) и проч.

„Болѣе положительныя слѣды варяжскаго (то-есть, балтійско-славянскаго) населенія въ Новгородѣ представляетъ его историческій бытъ; *западно-славянскимъ началомъ проникнута вся домашняя новгородская жизнь*“, — вотъ очень смѣлое предположеніе г. Геденова объ устройствѣ древне-русской общины новгородской. Выше мы уже говорили о вѣчевомъ устройствѣ всѣхъ Славянъ. Мы видѣли, что какъ только Славяне являются на историческомъ поприщѣ, вѣчевое устройство господствуетъ у нихъ въ полной силѣ и сохраняется до позднѣйшихъ временъ. Вѣчевое устройство у дунайскихъ и днѣпровскихъ Славянъ VI вѣка, столь прекрасно описанное современнымъ имъ Византійцемъ Прокопиемъ, является у всѣхъ Славянъ—у русскихъ, западныхъ и южныхъ; слова Прокопія поразительно сходны съ словами русскихъ лѣтописей, Титмара, біографовъ Оттона Бамбергскаго, юго-славянскими памятниками и проч. Мы видѣли, что вѣчевое устройство поддерживалось вмѣстѣ съ древне-славянскимъ *общиннымъ началомъ*; гдѣ общины смогли отстоять свою независимость или самоуправленіе отъ постоянно усиливавшихся притязаній монархическаго начала, тамъ процвѣтаетъ и вѣчевое устройство; такъ, въ общинахъ русскихъ и юго-славянскихъ, и при отсутствіи или слабости княжеской власти, у Лютичей и Поморянъ. Но какъ только княжеская власть беретъ верхъ, вѣчевое устройство ослабѣваетъ или исчезаетъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ Виподолѣ, Керкѣ, и у Балтійскихъ Славянъ; „господиномъ“ общинъ дѣлается князь-государь. То, что написалъ псковскій лѣтописецъ еще наканунѣ паденія вѣчеваго устройства своей общины: „Отъ начала убо Русскія

земли сей убо градъ Псковъ ни конемъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіи людіе“, тѣ же самны слова могъ связать любой Славянинъ дунайскій и днѣпровскій, балтійскій и адриатическій. Такимъ образомъ, *вѣчевое устройство балтійско-славянскихъ и русскихъ общинъ* вовсе не результатъ *заимствованія* тѣмъ или другимъ народомъ, а прямое наслѣдство всѣхъ разбросанныхъ дѣтей одной матери Славы. Что касается новгородскихъ *концовъ*, то они отнюдь не щетинскія *континны*, какъ думаетъ г. Геденовъ (стр. 347). Новгородскіе концы (ихъ жители „Кончане“) — это просто части города, кварталы: Славенскій (Славно, жители „Славляне“, а не „Словѣне, Словене“), Людинъ, Неревскій и проч., хотя и органическія цѣлыя со своими вѣчами. А Шетинскія *континны* — это зданія; одна изъ нихъ, особенно разукрашенная, была храмомъ Триглава, другія три были поменьше, и въ нихъ собирался народъ. *Continae* quatuor in civitate Stetinensi: una ex his principalis (то-есть, храмъ); tres aliae continae... sedilia intus in circuitu exstructa erant et mensae, quia ibi conciliabula et conventus suos habere soliti erant; nam sive potare, sive ludere, sive seria sua tractare vellent, in eadem aedes certis diebus conveniebant et horis (Monum. Germ. hist., Script. XII, 793). Эти щетинскія континны можно сравнивать скорѣе съ дубровницкою *вѣчницей* (срв. тоже древне-польск. *вѣтница* = ратуша), и до известной степени, съ новгородскою башней, на которой висѣлъ вѣчевой колоколь, и въ которой находилась вѣчевая изба. Такія общинныя *избы* (*язбы*) были тоже у люнебургскихъ Славянъ. Слово *континна* нельзя сравнивать съ словомъ *конецъ* (по древлянски *кѣнаць*, то-есть, конецъ, *кѣль* — конь, *кѣпа* — копа) или *кончина*; слово *континна* происходитъ отъ *кѣта* или *кѣтъ* (др.-слав. *кѣща*, сербск. *кѣта*), какъ *хижа* — *хижина*, храмъ — *храмина*; въ Люнебургѣ еще въ XVIII вѣкѣ одна большая комната, гдѣ собиралось начальство, называлась *кѣтѣ*. Если уже сравнивать какое-нибудь новгородско-псковское слово съ балтійско-славянскимъ, то напримѣръ, люнебургскій *grim* — предмѣстье (крѣмъ) съ псковскимъ *кромъ* (срв. нашу книгу: Германизація Балтійскихъ Славянъ, 43, 51). Впрочемъ, такихъ общихъ чертъ можно найти очень много.

И такъ, мы *нигде* не видимъ предполагаемаго вліянія западныхъ Славянъ на бытъ Новгородскихъ Словѣнъ. А западные Славяне, *Чехи* и *Ляхи*, въ Новгородской области попали въ совсѣмъ другую сферу ея быта, въ народную философію, въ *пословицы*. Въ Опытѣ областного великорусскаго словаря (стр. 112) и въ Толковомъ словарѣ

Дали („Чахи“) — находимъ архангельскую поговорку: „*Между Чахи и Ляхи*“, то-есть, такъ и сякъ, ни то ни се, ни дурно ни хорошо, середка на половинѣ, безъ дѣла, безъ работы. Напримѣръ, „Хорошо ли твѣетъ сестра твоя?“ „Такъ, между чахи и ляхи“. „Много ли накосилъ сегодня ты?“ „Ничего не дѣлалъ, почитай; весь день между чахи и ляхи прошелъ у меня“. „День ушелъ между чахи и ляхи, не знаю куда“. Откуда взялась въ этихъ новгородскихъ колоніяхъ такая странная поговорка, перешла ли въ народъ изъ книгъ, изъ устъ какого-нибудь книжника — пока не знаемъ. Но какъ странно! Подобную поговорку нашли мы въ одномъ собраніи лужицко-сербскихъ пословицъ конца XVIII вѣка (*Журн. Серб. Митицы* 1856—1857, стр. 103): „То су мое Чехи а Лехи — *das ist mein ganzer Ein- und Ausgaug*“, то-есть, если мы хорошо понимаемъ — всѣ мои доходы и расходы. Сѣверно-русское „между чахи и ляхи“ навѣрное перешло изъ русской лѣтописи, изъ разказа о кончинѣ братоубійцы князя Святополка Владиміровича, который, гонимый Божиимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню „между Ляхи и Чехи“, и здѣсь испроверже злѣе животь свой. Вѣсть о злой кончинѣ князя-братоубійцы могла глубоко вкорениться въ памяти Русскаго народа, на югѣ и на сѣверѣ; а народъ, поселившійся на окраинахъ русскаго міра, въ Заволочѣ и Двинской землѣ, могъ этотъ разказъ помнить долго, какъ онъ здѣсь на сѣверѣ сохранилъ и свои былинны, — когда давно уже забылъ настоящее значеніе словъ „между Чахи и Ляхи“. Напрасное бѣгство Святополка въ лѣса между Чехами и Лягами, гдѣ его все-таки настигъ Божій гнѣвъ, могло породить и поговорку „между чахи и ляхи“. Историческія воспоминанія нерѣдко даютъ поводъ къ разнымъ прозвищамъ, поговоркамъ; такъ, напримѣръ, Муромцевъ называютъ „святогонами“, такъ какъ они когда-то прогнали епископа, Вятчанъ — „слѣпородами“, такъ какъ они когда-то ночью бились съ своими союзниками, считая ихъ Татарами. Сербы и Волгаре говорятъ, напримѣръ, „дойдетъ день Вита, увидимъ“ (Видов-дан, 15-го іюня, день несчастной Косовской битвы), то-есть, узнаемъ вѣрнаго и невѣрнаго (какъ говорилъ князь Лазарь наканунѣ битвы); „прошао (несчастливо-повончилъ) као Янко на Косову“ (гдѣ Янъ Гуняди потерялъ поражение), и подобныя чешскія поговорки: покончилъ какъ (генералъ) Гець и Якова, и (взбунтовавшіеся) крестьяне у Хлумца, и проч. Какъ бы то ни было, я, какъ Чехъ, очень радуюсь, что мнѣ пришлось защитить древне-русскую исторію противъ Русскихъ, которые безъ всякой нужды толкаютъ ее „между Чахи и Ляхи“.

Само собою разумѣется, что въ такомъ важномъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, были разноплеменные колоніи, разные „заморскіе купцы“, разные „Ruzarii“, какъ назывались, напримѣръ, баварскіе купцы, посѣщавшіе Русь. Такіе иностранные купцы были въ Новгородѣ съ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ ¹⁾. Въ числѣ такихъ „заморскихъ купцовъ“ были, несомнѣнно, и купцы изъ балтійско-славянскихъ странъ, пожалуй и Щетинцы, поклонники ли Триглава, или „нѣмецкаго“, или „русскаго“ бога, равнымъ образомъ какъ и въ поморскомъ Волынѣ жили заморскіе купцы, поклонники саксонскаго и греческаго бога, то-есть, католики и православные.

Славянская мифологія—наука очень интересная, но довольно трудная. При разнообразной обстановкѣ, которая окружала раскинутые славянскіе народы, вѣрованія развивались у нихъ не одинаково; у однихъ Славяне дальнѣйшему развитію старинныхъ вѣрованій уже рано помѣшало христіанство, съ начала только формальное; оно прикрыло, напримѣръ, солнце и божество солнца самимъ богомъ или св. Юріемъ, громъ и огонь — св. Ильей-громовникомъ и Маріей Огненною, и проч. Старинныя славянскія вѣрованія сложились въ извѣстную систему только у тѣхъ Славянъ, которые упорно защищали старину до второй половины XII вѣка, у *Славянъ Балтійскихъ*. У нихъ находимъ множество разныхъ боговъ и богинь, высшихъ и низшихъ, храмы, идолы, жрецовъ и проч., вообще полный мифологическій аппаратъ. Но эта мифологія Балтійскихъ Славянъ — это ихъ спеціальная мифологія, а не *общеславянская*, и разныхъ Свантовитовъ, Радигостей, Живъ, радигощскихъ и арконскихъ храмовъ, капищъ, болвановъ, жрецовъ и проч. нельзя еще перетаскивать въ мифологію польскую, чешскую, русскую и проч. Если говорить о *славянской мифологіи*, то надо поступать съ крайнею осторожностью; надо отыскивать въ древнихъ памятникахъ и въ уцѣлѣвшихъ остаткахъ старинныхъ вѣрованій (суевѣріяхъ Славянъ) *общія черты*, и только такія общія черты могутъ составить славянскую мифологію. Все здѣсь скапанное покажемъ на нѣкоторыхъ примѣрахъ, именно, на божествахъ *Сварош-Сварожичь*, *Даждьбош*, *Перуни*, и на словѣ *наш*.

Славянское слово *сварош* объясняется санскр. *варуна* (греч. *обравос*) и *сварта*, *сварь*, что означаетъ небо, небеса, aether, зодіакъ.

¹⁾ Областныя русскія слова *варяжъ*—заморець, заморье, *варми*—молочный назвѣній купецъ, разносчикъ, указываютъ на такихъ купцовъ. Племяное названіе Варягъ сдѣлалось нарицательнымъ, подобно названіямъ: влахъ, обринъ, волоть, мазурикъ и др.

Славянское Сварогъ, уже въ смыслѣ божества, встрѣчается, въ древне-словѣнскомъ (болгарскомъ) переводѣ греческой хроники Іоанна Малалы, переведенной въ X вѣкѣ болгарскимъ попомъ Григоріемъ. Переводчикъ передаетъ названія греческихъ божествъ Гефестъ и Геліосъ по славянски *Сварогъ* и *Солнце царь*, *Дажьбогъ—Даждьбогъ*, *сынъ Сварога*. Переводчикъ передаетъ здѣсь Гефеста=огонь, славянскимъ Сварогъ, собственно небо; но дунайскіе Словѣне уже въ VI вѣкѣ небесный огонь (молнію) приписывали наивысшему богу, повелителю всего міра (unus deus, fulguris effector, dominus hujus universitatis), Сварогу, хотя, какъ увидимъ, не забыли еще пастоящаго бога молніи и грома, а только приписывали отцу качество сына. Сынъ Сварога, *Сварожичъ*,—это *Солнце*, называемое *Дажьбогъ* или *Даждьбогъ*; послѣднее названіе объясняютъ или жгучимъ богомъ (санскр. *да* = жечь), или „дающимъ благо“ (богъ = благо, богатство, какъ и *deus-dives*). Чисто древне-слов. (болгарск.) форма *Даждьбогъ* (дай богатство) соотвѣтствуетъ, напримѣръ, славянскимъ Рости-славъ, Хвали-богъ, Моли-богъ, Хвати-рубъ и проч. и древне-польскому имени лица: *Дадзибогъ* (Dadibog, Dadzibog, Dadzibog, въ грамотахъ польско-мазовскихъ 1254, 1350, 1395, 1476 гг.), которое только позже приурочено къ христіанскому Theodat (напримѣръ, въ XVII вѣкѣ: Alaxandr Theodat czyli Dadzibog Sapieha). Названія старинныхъ божествъ сохранились перѣдко въ именахъ лицъ; такъ, напримѣръ, въ древне-сербской грамотѣ 1348 г. встрѣчается имя *Хрьсъ* (то-есть, Хрьсъ, Хорсъ), а это ими употребляется до сихъ поръ у Чеховъ какъ фамилія (Chrs); Перунъ, Свойбогъ, Свѣтбогъ, Молибогъ (Молидбогъ), Хвалибогъ — тоже славянскія имена лицъ. Вышеприведенное мѣсто изъ славянскаго перевода Іоанна Малалы перешло и въ русскую лѣтопись (Ипатьевскую), но не какъ безсмысленное заимствование; и русскіе Славяне знали Сварога и Сварожичей, и Дажьбога. Огонь они прямо и называли *Сварожичемъ*, а Дажьбога считали даже своимъ праотцемъ: Русичи, Русская земля величалась „внукомъ Дажьбожимъ (Даждьбожимъ)“. О какомъ бы то ни было переселеніи югославянскихъ Сварога и Сварожичей съ Дуная на Днѣпръ, или наоборотъ—нечего и говорить. Уже Византія VI вѣка (Прокопій и Маврикій) считаютъ дунайскихъ Словѣнъ и днѣпровскихъ Антовъ (=поздн. Русь), такъ сказать, однимъ народомъ по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ и проч. (Sclavorum gentes et Antum una vivendi ratione moribusque similibus utuntur, et rerum fere omnium ratio ab utrisque barbaris servatur eadem). Достоверность

этихъ словъ вполне подтверждаетъ и нынѣшній поразительно сходный бытъ Сербовъ, Болгаръ и Русскихъ. Равнымъ образомъ, какъ они еще въ VI вѣкѣ поклонялись богу-громовержцу, такъ въ XIX вѣкѣ они крестятся передъ Ильей-Громовникомъ; въ IX—X вв. они поклонялись Сварожичу Солнцу, а въ XIX в. разказываютъ чудесныя вещи о царѣ Солнцѣ, и еще въ 1876 году профессоръ Дриновъ записалъ — изъ устъ простой Болгарки во Фракин — замѣчательную пѣснь о женитбѣ Солнца: Солнце влюбляется въ прекрасную Марію, Господь Богъ уноситъ ее „въ слѣнчовите дворе“; гдѣ живетъ Солнце, его „огнянъ“ братъ, и сестра Дена Деница, слѣдовательно, старинныя Сварогъ и оба Сварожича, Солнце и Огонь! Но не только у Славянъ южныхъ и восточныхъ извѣстенъ былъ Сварогъ и его свѣтлыя сыновья; ихъ знали также западные Славяне, именно балтійскіе Ляхи. Самъ Сварогъ, правда, мало заботился о семь мѣрѣхъ и о живущихъ въ немъ людяхъ, обращая вниманіе только на небесныя дѣла (*deus deorum coelestia tantum curat*); но за то его сынъ *Сварожичъ* (*Zuagasic*) требовалъ обширнаго богослужебнаго аппарата въ своемъ прекрасномъ храмѣ въ Радигощѣ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ „страшный“ его идолъ въ латахъ и съ своимъ знаменемъ; въ началѣ XI вѣка онъ провожалъ своихъ вѣрныхъ Ляховъ-Лютичей, воюющихъ противъ другихъ Ляховъ-Полянъ, которые ему ужъ измѣнили; да онъ не пренебрегъ и помощью патрона заклятыхъ враговъ своихъ, Саксовъ, и — къ ужасу нѣмецкаго попа — св. Маврикій и „дьяволъ Сварожичъ“ пошли вмѣстѣ, рука объ руку, противъ польскаго князя Болеслава Храбраго. Этотъ „Сварожичъ“ Балтійскихъ Славянъ принималъ — по мѣстамъ — и другія прозвища: *Бѣлбогъ* (бѣлый, свѣтлый богъ), *Свѣтвйтъ* (то-есть, святой свѣтъ), *Яровитъ* (ярый свѣтъ), или какъ трехглавый повелитель трехъ царствъ міра: неба, земли и подземелья, *Триглавъ*, и вѣроятно, — какъ главное божество лютискаго племени Ратарей-Радигощанъ, — также *Радностъ*. Всѣхъ этихъ мѣстныхъ названій Русскіе не знали. Названія селеній Радогощъ происходятъ отъ именъ лицъ, какъ вѣроятно, и названіе ратарскаго Радигоща. Въ Галичской Руси одно селеніе называется Бѣлбожница, а въ Чехин — Бѣлбожице; но и эти названія могли быть взяты отъ лицъ, которыя — подобно Хорсу, Дадибогу, Перуну, Свѣтбогу, Свойбогу — могли называться и Бѣлбогами.

Перунъ, богъ грома и молніи, богъ, который *претъ* (перу — прать, поротъ), ударяетъ; по польски *пѣрунь* (*piogun*) = молнія. Его знали всѣ Славяне. Мы видѣли, что дунайскіе и днѣпровскіе Сла-

вяне уже въ VI вѣкѣ приписывали небесный огонь молнію, наивысшему богу (Сварогу); такъ и въ X вѣкѣ греческій Гефестъ (огонь) передается Сварогъ. Но тогда знали южные и восточные Славяне такъ же и Перуна: одинъ словѣно-болгарскій переводчикъ греческое Зевсъ передаетъ Перунъ, а Русь клянется Перуномъ (христіанская Русь преемникомъ Перуна, св. Ильей), и поклоняется его идолу. У южныхъ Славянъ память этого бога сохранилась въ названіяхъ лицъ—Перунъ, растеній—Перуница, Перуника, Перуновъ цвѣтъ, и въ одномъ названіи мѣста въ далматской Хорваціи (*Iocus Perun*, грам. 1080—1189 гг.). Но самъ Перунъ продолжаетъ свое существованіе въ болгарско-сербскомъ Ильѣ-Громовникѣ. У западныхъ Славянъ, именно у балтійскихъ Ляховъ, Перуну поклонялись особенно Вагры, и вообще Бодричи, которые называли четвергъ днемъ Перуна. Его память сохранили здѣсь и географическое названіе Перунъ, а у Чеховъ—ими лица Перунъ. Изъ этого видно, что Перуна знали всѣ Славяне. Но несчастному Перуну какъ-то не везетъ у Славянъ; Кіеве и Новгородцы съ глумленіемъ бросили его въ воду. Славянскимъ же ученымъ, хотя Владиміръ ему сдѣлалъ главу сребрену, а усы златъ, Перунъ все-таки не нравится; чешскіе мѣологи Иречекъ и Эрбенъ толкуютъ его, какъ обрусѣвшаго Тора, въ скандинавскую Вальгалу. А между тѣмъ Перунъ вѣдь такой же чистый Славянинъ, какъ и разныя скакуны, плясуны, болтуны; какъ тѣ скачутъ, пляшутъ и болтаютъ, такъ онъ „преть“ молніей.

Навь. Дунайскіе (болгарск.) и русскіе Славяне называли такъ мертвеца; напримѣръ, навъ изъ гроба исходящій, изъ навій въскресе (Іоаннъ экз. болг.), навѣ бьютъ Полочаны (русск. лѣтоп.); у Болгаръ наваякъ — душа ребенка, умершаго не крещеннымъ; русск. навьскій день — день покойниковъ. У древнихъ Чеховъ *navь* — жилище усопшихъ (Крокъ иде до навь); *навьити* — погубить, убить (древне-чешск.), утомить (новочешск.), причин. глаг. отъ *навьити*, какъ слыть—славить, убыть—убавить, отыть—отавить, и проч. Длугошъ называетъ провожатаго усопшихъ *навь* (*Niia*), вѣроятно, по народнымъ преданіямъ. О заимствованіи слав. навь изъ германскихъ нарѣчій нечего и толковать.

Уже по этимъ немногимъ примѣрамъ видно, насколько позволительно говорить о переходѣ славянскихъ божествъ изъ одной славянской страны въ другую. Такъ напримѣръ, Сварожича знали почти всѣ Славяне, южные, восточные и западные, въ одно и то же самое время, а другія божества знаютъ одни Славяне больше, а другіе меньше; у однихъ существовали они какъ божества, а у другихъ

память ихъ сохранилась только въ немногихъ названіяхъ. О *заимствованіи* можно было бы въ томъ случаѣ только говорить, еслибы, на примѣръ, Русскіе вмѣсто Дажьбогъ или Дажьбогъ говорили по ляхски *Дадзибогъ*. Форма (древне-слов.) *даждь* вовсе не западно-славянская; еще залабскіе Древяне говорили *dodъ*.

Другой взглядъ на славянскую мифологію имѣеть г. Гедеоновъ (стр. 349). Онъ думаетъ, что „варяжскіе князья на Руси поклонялись Святовиту въ Сварогъ-Черунъ, какъ въ Римѣ аѳинскій Грекъ поклонялся Аѳинъ въ Минервѣ“, и что только изъ осторожности не замѣнили „своими вендскими племенными названіями русскихъ народныхъ названій боговъ“. Все это могло быть, какъ и многое другое; такъ, на примѣръ, предполагаемая родственная связь между варяго-русскою династіей и вендскими княжескими родами и вообще съ языческимъ поморьемъ, связь, которая будто бы порвалась съ крещеніемъ Руси; предполагаемая поѣздка Владиміра къ Балтійскимъ Славянамъ и проч. Все это могло быть, но мы объ этомъ ровно ничего не знаемъ, и потому мы въ правѣ сказать, что этого не было. Сварожичъ-Дажьбогъ такой же коренной богъ Славянъ восточныхъ, какъ и западныхъ, а отнюдь не являетъ „положительныхъ слѣдовъ вендскаго происхожденія“, и не былъ „занесенъ Владиміромъ изъ Оботритской земли въ Русскую“, равнымъ образомъ какъ ничего не извѣстно о томъ, дѣлали ли кіевскаго Перуна съ усомъ золотымъ „вендскіе художники“. Также и *Велесъ* не исключительно западно-славянскій богъ (знали его Чехи, и вѣроятно, и южные Славяне), а тоже русскій; обѣ формы *Велесъ* и *Волосъ* русскія, какъ и велетень (южно-русс.) и волоть (=великанъ), Велетово подлѣ Волотово, и проч. Многоголовныя божества на Руси не встрѣчаются (Збручскій идолъ слишкомъ мало объясненъ), а приведенная у г. Гедеонова (стр. 354) картинка съ разными чудовищами въ родѣ Гога и Магога, вѣроятно, результатъ дикой фантазіи какого-нибудь византійскаго монаха-ревнителя, а вовсе не отголоски „варяжскихъ“ божествъ Поренута и Чернобога ¹⁾ Темное слово „дъни“ въ житіи св. Константина Муромскаго (ни тризница, ни дъми не дѣяху, ни битвы и проч.) объясняетъ г. Котляревскій (Погреб. обичай, 119, 129) словомъ бѣдынь (ни бѣдына дѣятн, въ прологѣ), надстройка надъ могилой; а о „дъни“—будто обрядовой пляскѣ надъ могилой у западныхъ Славянъ, ничего не знаемъ. Г. Гедеоновъ (стр. 332) считаетъ „Карну“ и „Жлю“ Слова о полку Игоревѣ злыми духами

¹⁾ Срв. такія же картины въ Очеркахъ *Буслаева*.

древне-славянской (конечно, западно-славянской) мифологии. Но здѣсь простое олицетвореніе кары (ссоры) и жли (злости): „за нимъ кликну кара, и жли покочи по Руской земли“, равнымъ образомъ какъ въ той же самой поэмѣ олицетворяется *обида*: „встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедьими крыльи и проч.“. Приводитъ еще *наны* божество въ родѣ „Zelu“, „Gela“ и злополучный истуканъ бамбергскій не совѣтуетъ; а то надо приводить и разныя чудовища изъ Прильвицъ и Mater Verborum, „божества“ Климбу, Кросину, Кигалу, Чорое, Турцу, Погоду и др.

По мнѣнію г. Гедеонова (стр. 314) въ Русской Правдѣ встрѣчается „западная юридическая терминологія, польскія (вендскія) слова и узаконенія“; напримѣръ, синь надъраженъ, утнеть мечемъ, лоньщина, сводъ, ролейный, войскій, страда и пр. Но какъ же говорить о „вендской“ терминологіи въ юридическихъ памятникахъ русскихъ, когда наши свѣдѣнія о такой терминологіи Балтійскихъ Славянъ ограничиваются десяткомъ словъ. Мы знаемъ, напримѣръ, слова князь, княжичъ, жупанъ, войвода, приставъ, смардъ, гардъ, порадльное, осепъ, нарѣзь, преводъ, гоститва, подача, своръ, войводница, бископовница, и др. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны всѣмъ Славянамъ, нѣкоторыя только западнымъ и южнымъ (напримѣръ, жупанъ), другія только западнымъ или только Балтійскимъ Славянамъ (напримѣръ, княжичъ въ смыслѣ шляхтича, подача, своръ). Нѣкоторыя древне-русскія учрежденія, вошедшія въ Русскую Правду, встрѣчаются и въ правдахъ чешской, польской, сербской; такъ напримѣръ, круговая порука (др. русск. вервь, польск. ополе, сербск. околина, а слово вервь встрѣчается и у полицскихъ Хорватовъ), сводъ, лице; другія—только русскія. Но о „вендскихъ“ или вообще западно-славянскихъ словахъ и терминахъ въ древне-русскихъ памятникахъ нечего и говорить; специфически „вендскія“ или „варяжскія“ слова, термины и учрежденія станемъ искать въ древней Руси напрасно. Напрасно думаетъ г. Гедеоновъ (стр. 321), что „съ XII—XIII вв. вліяніе западнаго (варяжскаго) начала на Руси уже прекратилось“, и что съ тѣхъ поръ „терминологія русскаго права, а съ нею и самое право, отбросили все иноземное, внѣшнее, насильственно или искусственно привитое“. Не могло „прекратиться“ то, чего никогда на Руси не бывало, и изъ стариннаго права русскаго вовсе не нужно было выбрасывать иноземныя наросты. Мнимыя „Варяги“, — Балтійскіе Славяне, ничего не могли привить къ быту своихъ восточныхъ соплеменниковъ, такъ какъ о нихъ на Руси нѣтъ

и помину; нѣсколько же сотенъ наемныхъ скандинавскихъ солдатъ, этихъ настоящихъ „варяговъ“, помогали Руси лишь въ грабежахъ и кровопролитіи, а вовсе не при составленіи Русской Правды. Эта Правда — такой же памятникъ *славянскаго права*, какъ и чешское право Копрада, хорватскій Винодольскій законникъ, сербскій законникъ царя Душана и польскій короля Казиміра. И кievскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ навѣрное стали бы славить чешскаго лѣха (пана) Ратибора, когда тотъ на земскомъ снемѣ въ „отпѣ сѣдлѣ, свѣтѣ Вышеградѣ“, въ присутствіи княгини, сидящей на „отпѣ златѣ столѣ“, кметей, лѣховъ и владыкъ, Святослава, Лютобора, Радована, Ярожира, Стрезибора, Саморода, Хрудоша, Стаглава, и другихъ князей племенъ Лучанъ, Дѣчанъ, Пшованъ, Хорватовъ, Зличанъ, Дудлебовъ и др., произносъ достопамятныя слова:

Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду!
 У насъ правду по закону свату,
 Юже принесеху отци наши
 Въ съеже жирне власти прѣсъ три рѣки!

И кievскій Русинъ, и новгородскій Словенинъ пожали бы руку чешско-хорватскому лѣху Ратибору отъ горъ Кръконошскихъ, идѣже Трутъ погуби сань люту, и сказали бы своему западному соплеменнику: И у насъ правда, обязывающая Русина — Полянина, Словенина, Кривича и Сѣверянина, Хорвата и Воляннина, Древлянина и Дреговича. И у насъ на Руси князей сажаютъ на „столъ отенъ и дѣденъ“, да въ карпатской Руси и на „златоконанный“ столъ отенъ. И наши князья созываютъ всенародныя сходки, гѣча, являются на нихъ съ своими боярами, Володиславомъ, Лютомъ, Блудомъ, Добрыней, который тоже погубилъ лютаго змѣя, и пр. Если мы, Русь, посылаемъ за море къ Варягамъ, то нанимаемъ ихъ за наши гривны и куны для того, чтобъ они намъ служили въ нашихъ безконечныхъ войнахъ, а вовсе не для того, чтобъ они совали носъ въ нашу Русскую Правду. У насъ, у всѣхъ восточно-славянскихъ племенъ, есть обычай свой и законъ отецъ нашихъ и преданья, уставъ и законъ русскій, словомъ — наша Русская Правда. А эту правду принесли тоже отцы наши еще съ береговъ тихаго Дуная, когда они, уступая передъ волошскимъ царемъ Траяномъ, поселились по Днѣпру и основали здѣсь Кіевъ, мать городовъ русскихъ, и Великій Новгородъ. Да мы помнимъ, что тогда же отъ Словѣнъ дунайскихъ выпли и Ляхи, и другія племена.

И всѣ князья и вельможи, боляре, жупаны, лѣхи, кмети, чешскіе

и ляхскіе, русскіе и задунайскіе, порѣшвлн бы на своихъ вѣчахъ, соборахъ, снемахъ: у насъ правда по закону свату, юже принесеху отци наши съ Дуная на Лабу и Вислу, на Днѣпръ и Волховъ, и на югъ за Дунай. Ибо бѣ единъ языкъ словѣнскъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаевн, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне яже нынѣ зовомая Русь.

Мы не можемъ согласиться—какъ это дѣлаетъ г. Гедеоновъ—съ словами г. Котляревскаго: „Имя Новгорода становится совершенно понятно, когда вспомнить о Старградѣ (даже не одномъ, а двухъ), выходившемся на балтійскомъ поморьѣ; имя Славно кажется противнемъ такого же балтійскаго Славна; характеръ новгородской вольницы и торговой знати точно тотъ же, что и поморской; характеръ вѣча, вѣчеваго устройства и вѣчевой степени сходенъ до подробностей; одинаково и устройство князьяго двора“. Мы не можемъ согласиться съ словами г. Гедеонова (стр. 359), что „въ занесенныхъ къ намъ съ балтійскаго поморья вендскихъ словахъ, учрежденіяхъ, формахъ язычества и т. д. находимъ доказательства западно-славянскому происхожденію варяжскихъ князей“.

Повторяемъ: все это—*общеславянскія* черты или сходство, происходящее изъ одинаковой обстановки жизни.

Въ X-й главѣ своего сочиненія г. Гедеоновъ приводитъ „общеславянскія особенности варяжскихъ (вендскихъ) князей и дружинниковъ“, во говорить здѣсь multa, non multum, о бритвѣ головы и бороды, верховой ѣздѣ, оружїи, мореходствѣ, воеводствѣ, характерѣ,—вотъ и все. А можно было бы поговорить объ этомъ любопытномъ предметѣ совсѣмъ иначе; можно было бы поговорить о княжескихъ родахъ славянскихъ, о ихъ родовыхъ отношеніяхъ, о воспитанїи княжичей, о сажанїи ва столъ отенъ и дѣденъ, о дружинѣ, о разныхъ увеселенїяхъ, военныхъ играхъ, придворныхъ пѣвцахъ, о могилахъ князей и пр. Сходныхъ и одинаковыхъ чертъ этихъ „общеславянскихъ особенностей“ нашлось бы очень много. А то эта глава вышла — такъ себѣ, опять таки „между Чахи и Ляхи“.

Во второмъ томѣ своего изслѣдованія г. Гедеоновъ обширно говоритъ о Руси. Мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ авторомъ, что Варяги и Русь не одно и то же, и что Русь особое славянское племя. Авторъ, не увлекаясь предвзятою идеей, разобралъ предметъ основательно и толково, хотя было бѣ опять-таки желательнѣе поменьше прибѣгать къ разнымъ филологическимъ патязкамъ, и напримѣръ, не слишкомъ стараться объяснить пока еще не объяснимое названіе

Русь. Въмѣсто того, чтобъ отыскивать разныя рѣки по имени Руса, Русь, Рось и пр., мы остановились бы только на одной рѣкѣ того имени, то-есть, на притокѣ Днѣпра съ правой стороны—*Рось, Ръсь*. У Славянъ часто рѣка и племя (или вообще жители), поселившееся по ней, носятъ одно и то же названіе; напримѣръ, Моравя, Босна, Цетина, Лабь, Лугомира, Бѣлина, Укра, *Росина* (въ южной Сербіи, гдѣ и городъ Рась, Раса) и пр. Что касается племенныхъ названій *Рось* и *Поросье, Поросьяне*, то срв. *Моравя, Моравяне, Поморавіе, Лабь, Полабье, Полабьяне*. Судя по формѣ *Ръсь* подлѣ *Рось*, коренной звукъ въ этомъ имени еще не установленъ. *Росью* или *Русью* могло назваться одно изъ тѣхъ словѣнскихъ племенъ, что поселились „въ поляхъ“ по рѣкѣ Роси, Ръси. Это племя, возвысившись надъ остальными „полянками“, могло со временемъ навязать свое имя всѣмъ днѣпровскимъ Полянкамъ („Поляне яже нынѣ зовомая Русь“), наконецъ, и всѣмъ восточно-славянскимъ племенамъ, какъ это случилось и съ названіями Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ. Русь — вѣроятно, одно изъ многочисленныхъ черноморско-днѣпровскихъ Славянъ, тѣхъ „безчисленныхъ племенъ Антовъ“ (*Antarum populi infiniti*), которые сдѣлались страшными и Германцамъ, и византійскимъ Грекамъ. Тамъ, гдѣ въ VII вѣкѣ исчезаютъ „храбрѣйшіе Анты“, то-есть, вообще восточная подднѣпровская Славянщина, тамъ вскорѣ является могущественная Русь, передъ которою дрожатъ Константинополь и страны поволжскія и кавказскія. Понятно, что по поводу грабежей и морскихъ разбоевъ этихъ дѣтей Руса Греки прозвали (*congruo rei nomine*) *дромитами*—*хорсарями*, или, какъ сказали бы далматскіе Сербы, *чусарями од мора* (отъ моря); Царьградъ и вообще черноморскія страны всегда манили Русь на *чусарину* (пиратство), какъ, напримѣръ, богатая Италия приманивала другихъ славянскихъ морскихъ *чусаровъ*, сербскихъ Неречанъ. Такое объясненіе греческаго дромиты—*cursarii* (*δρομιτες — cursus*) вѣрно; но сближеніе морскихъ дромитовъ — *чусаровъ* съ славянскимъ *ходить* совершенно ошибочно. Средне-латинское *cursa, cursus* (пиратство) и *cursarius* (пиратъ) перешло и въ языки греческій (*χορσαοι, χορσαοειν*), древне-славянскій и сербско-хорватскій, въ формахъ *хуса, хуса, хусь*, и *хурсарь, гурсарь, хусарь, чусарь, хусникъ, и хусити, хусовати*. Въ древне-сербскихъ памятникахъ пишется *хурьсарь, чурьсарь, чусарь* и пр. (срв. словари *Миклошича* и *Данчиича*). Такіе гусары или хусары (*x = лат. h*) часто упоминаются въ сербскомъ законникѣ Стефана Душана; такъ напримѣръ, §§ 144, 146, 151 по изд. *Зичеля* трактуютъ о гусарѣ и о гусарствѣ; Доментіалъ разказы-

васть, что св. Саву въ Бриндизи подкарауливали „безбожьни *гусаріе*“, а монахи Хиландарскаго монастыря жаловали сербскому королю Стефану Урошу (1302 г.) „бѣды свое на мори, случающееся имъ отъ безбожьныхъ *хурсарь*“. Въ одной хорватско-далматинской грамотѣ 1358 г., говорится: *non armabitur in cursum, neque exercebitur piratica... nec receptabuntur in eorum portibus curzarii, et malefici*. Въ хорватскомъ Статутѣ Полицкомъ встрѣчаются тоже *гусары*. Въ нынѣшнемъ языкѣ хорватско-сербскомъ значить *гуса* и *гусар*—разбойникъ (гусар од мора—морскій разбойникъ), *гусарина*—пиратство (отишао у гусарину), *гусарити*—разбойничать на морѣ. Впослѣдствіи гусарами назвали извѣстное войско, какъ и кайдуки, казаки ¹⁾. Связывать славянское *ходъ* (походъ) и *ходить* съ чужимъ сербизованнымъ *хуса*, *хусити*—совершенно ошибочно. А ново-чешское *хузе* (*chůze*) сюда никакъ не идетъ; слова *хузе*, др.-чеш. *хоза*, происходятъ отъ *ходить*, какъ *гразе*—*граза* отъ *градить*, *музе* (*houze*)—*муза* отъ *мудить*; чешское же *хузе*—*хоза* было бы по русски *хожа* (хождение), какъ и есть по сербск. *ходя*; срв. *меза*—*межа*, *нуза*—*нужа*, *нужда* и пр. Поэтому, слова г. Костомарова (*Русская Старина* 1877 г., I, 184): „мы считаемъ это объясненіе почтеннаго ученаго дѣйствительнымъ вкладомъ въ нашу историческую науку“—можно отнести лишь только къ объясненію греческихъ дромитовъ—корсарями; а сближеніе сербизованнаго слова *хурсарь*, *хусарь* съ славянскимъ *ходить*, и даже съ ново-чешск. *хузе*—крупное заблужденіе.

Г. Забѣлинъ считая, какъ уже выше сказано, „Варяговъ“ тоже Балтійскими Славянами, старается отыскать между ними и „Русь“, и по примѣру другихъ его предшественниковъ, находитъ ее на островѣ *Рульнъ*, *Рантъ*, *Рюгенъ* (стр. 165). Но уважаемый авторъ слишкомъ увлекся своею предвзятою мыслью и позволилъ уже черезъ чуръ разыграться своей фантазіи. Послѣ того, что мы сказали о сходной или тождественной географической номенклатурѣ у разныхъ народовъ славянскихъ, нечего и искать „Варяговъ“ и „Русь“ тамъ, гдѣ, напримѣръ, встрѣчаются названія Радигощъ, Славно, Звѣринъ, Витова,

¹⁾ Г. Иловайскій (Разысканія, стр. 75 и 175) приводитъ «гусарь» отъ «хазарь». Примѣровъ такой «этимологии» можно въ этихъ Разысканіяхъ найти очень много: Воляре это Войковары (племя), Полянникъ — исполникъ, себрь — Сербъ, смерда — Меря, Мордва, рѣка Нураніс — Зупанъ, Стырь — Стрибогъ, Готы — Велоготы и пр. Этотъ способъ этимологизированія вредитъ прекраснымъ историческимъ работамъ г. Иловайскаго не менѣе, чѣмъ вредилъ русскіе корсары Византіи.

Ровтоки, Бабинъ, Щетинъ и др. Г. Забѣлинъ взялся за мучительную работу списать съ древней карты Помераніи XVII вѣка всѣ названія мѣстностей, трудъ—для его цѣли—собственно лишній, какъ и излишне было приводить выдержки изъ древне-русской космографіи, переведенной съ нѣмецкихъ источниковъ. Еслибъ авторъ составилъ полную географическую номенклатуру земель чешскихъ, польскихъ, русскихъ, сербскихъ и др., то и въ нихъ нашелъ бы множество подобныхъ названій въ родѣ Бабинъ, Гостинъ, Любечичи, Премиславъ, и пр.; нашелъ бы и „Хоружекъ“—Хоружки (въ Чехіи), и Хоралтинъ (въ Польшѣ). Не понимаемъ, зачѣмъ выписано тоже множество нѣмецкихъ названій, начинающихся въ Поморьѣ только съ конца XII и особенно съ XIII вѣка, напримѣръ, Poggenpole, Reinewater, Hagenwalde, Schäfergei (то-есть, овчарня), разные hagen, dorf, berg и пр. Кромѣ того, на нынѣшнія часто до нельзя исковерканныя названія нельзя никимъ образомъ положить и еще меньше по нимъ позволять себѣ разныя заключенія. Необходимо по грамотамъ и другимъ памятникамъ составить, такъ сказать, исторію каждаго названія, осторожно сравнить его съ другими славянскими, особенно западно-славянскими названіями, и только тогда попытаться возстановить его настоящую славянскую форму—задача очень трудная, да иногда и просто невозможная. Кто же догадается, напримѣръ, по нынѣшнимъ названіямъ рюгенскихъ селеній Gagern, Patzig, Buschwitz, Bergen, что это славянскія Гамарпы (Вороны), Пясекъ или Пяски (Пески), Босковичи, Гора, названія, которыя пишутся въ XIII вѣкѣ еще Gawarne, Ryask, Boskowiz, Goga? Кто отгадаетъ значеніе названій Jasmund, Wollung, Ghynst? Отъ начала XIV вѣка сохранился подробный перечень всѣмъ селеніямъ острова Рюгена, и въ этихъ спискахъ названія сохранились гораздо чище, чѣмъ, напримѣръ, на картахъ XVII вѣка (срв. нашу книгу: Германизація Балт. Славянъ, 203 и срв. 33).

Не станемъ говорить здѣсь о томъ, какими судьбами въ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ конца XIV вѣка появилась Русь между Варягами, обитателями Варяжскаго моря; въ другихъ, болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводахъ, какими пользовался, напримѣръ, Длугошъ, Русь является старожилыми восточно-славянскихъ странъ и наравнѣ съ другими племенами участвуетъ въ „призваніи“ Варяговъ; то же самое является и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ русской лѣтописи, и въ одной древней припискѣ въ ркп. XIII—XIV в.: придоша Русь, Чудь, Словецъ, Кривичи къ Варягамъ, рѣша... (Опис. рук. синод. библ., II,

2, стр. 72, *Бусмева* Ист. христом. 390). Положимъ однако, что „Русь“ была тоже на Варяжскомъ морѣ, хоть бы и между балтійскою Славянщиною. Но это г. Забѣлину и другимъ „вендофиламъ“ не даетъ еще права смѣшивать *Руяну*, *Рану*, *Руню* съ *Русью*. Все здѣсь основано на томъ несчастномъ созвучіи, которое больше запутываетъ, чѣмъ разъясняетъ вопросъ.

Что касается нынѣшняго острова, называемаго въ литературномъ языкѣ *Rügen*, *Roien*, *Röjzen* и простонароды, то это названіе является въ балтійскихъ странахъ между устьемъ Одры и Вислы уже съ I столѣтія Р. Х., у Тацита (*Rugii*), Птолемея (*Ruticii*, *Rugium*), и можетъ быть, у Иорнанда (*Ulnerugi*=*Rudi*?). Насколько можно этихъ балтійскихъ Руговъ связывать съ Ругами въ Иллиріи, Норикѣ и Италіи, были ли они Германцы или Венеды (Славяне)—нельзя сказать. Позже, съ X в., славянскіе жители этого острова называются *Rugiani*, *Ruiani*, *Rani*, *Rugia*, *Ruia* и пр. Форма *Rana*, которую Вибальдъ приписываетъ Славянамъ (*regio quae a Teutonicis Ruiana, a Sclavis autem Rana dicitur*), вѣроятно, только сокращенное *Rujana*, какъ стоять—стать, боять—бать, а отнюдь не измѣненіе имени Варны, Вераны, Враны, какъ кажется г. Забѣлину. Сами славянскіе Раны, ихъ князья, назывались *Rujani*, *Roiani*, *Ruua*, *Ruue*, *Roia*, изрѣдка *Rugiani*, *Rugia*¹⁾. Созвучіе словъ *Rugia*, *Ruia*, *Rugi*, *Rujani* съ *Russia*, *Ruteni* ввело нѣмецкихъ лѣтописцевъ уже въ X вѣкѣ въ заблужденіе. Такъ напримѣръ, у продолжателя лѣтописи Регинона читаемъ (*ad a.* 959, 962): *Helena, regina Rugorum*, *Adalbertus Rugis ordinatus episcopus*, а другіе лѣтописцы, разказывая тѣ же самыя событія, пишутъ, *gens Rusciae*, *Adelbertus Ruscis directus*, и пр.²⁾ Съ другой стороны, биографъ Оттона Бамбергскаго называетъ Руяну и Русь *Rutheni*, *Ruthenia*. Но изъ этого, на однозвучіи обоихъ именъ основаннаго, смѣшенія Руси и Руяны нельзя выводить никакихъ заключеній о Руси при устьѣ Одры или о Ругіи по Днѣпру; эти лѣтописцы, по совершенно справедливому замѣчанію г. Забѣлина, вводили въ заблужденіе послѣдующихъ хронистовъ и изыскателей, которые иныя свидѣтельства, принадлежащія рюгенской Руси, относили къ восточной Руси. Смѣ-

¹⁾ Срв. грамоты и печати въ дипломатариѣ *Фабриціуса*: *Urkunden zur Geschichte von Rügen, Stralsund und Berlin*. 1843—1869).

²⁾ *Sclavi qui de Rugis vel de Baemanis mercandi: causa exeunt*, въ грамотѣ баварско-австрійской 906 г. (*Erben*, *Regesta* I № 58) могутъ быть Русь, но тоже и «Ракусь» (Ракосы, Ракусы=Австрія).

шиваніе названій племенъ и странъ у средневѣковыхъ писателей довольно обыкновенно; они смѣшивали просто по ошибкѣ или чтобы щегольнуть классическими воспоминаніями: Dacia это Dania, Nigocum—Norwegia, Triballi—Сербы (Сръбали), Pannonia—Угрія, и пр. Такъ и Rugi—Русь, Rutheni—Руяне.

Въ половинѣ XIII вѣка одинъ польскій лѣтописецъ, отличавшійся разными этимологическими замашками, производитъ имя *Рана* изъ славянскаго „рани“ (vulneca!), какъ, напримѣръ, *Памонія* отъ *пань*, *Кинуби* отъ „casz huba id est plica rugasi“, и проч. Отъ такого „этимологизированія“ не отличается ничѣмъ методъ г. Забѣлина. Въмѣсто того, чтобы сказать, напримѣръ, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, что названіе Руги, Руяна, Рана — пока необъяснимо, онъ перерылъ разноплеменную географическую номенклатуру славянскую (западную и восточную), литовскую, чудскую, германскую, и вездѣ видитъ „Русь“, ея слѣды и остатки. Такъ, *Руми* и *Румія*, это — *Рогъ*, по польск. *góg* (ругъ), назвали Балтійскіе Славяне „Рогомъ“ „уголъ“ своей земли, какъ Русскіе свой Никитинъ Рогъ, Синій Рогъ и проч.; а вѣдь и „рюгенскій истуканъ Святовида“ держалъ въ рукѣ рогъ, а храмъ въ Ретрѣ воздвигнуть на рогахъ разныхъ звѣрей. Изъ этихъ „Роговъ“ сдѣлали латинскіе и нѣмецкіе писатели „свое“ Руяна, и проч., возникли и Рузи—Рози (Варягъ—Варязи), и болѣе умягченное Руси, Русь, латинск. Ruthi, Rutheni etc. И вотъ на картѣ Помераніи XVII вѣка находится очень много слѣдовъ этихъ „Роговъ“ или „Русовъ“, напримѣръ, Russevase, Ruskevitz, Rochenberg, Rugarten, Rugehoff, Ralow, Rochow, Risnow, даже Rosenfeld, Rosenhagen, Rusterholtz, Reinekendorp, Roggenbuke и проч. А руянское Russevase это сибирскій Русъ-вапъ, что значитъ русскій городокъ, а Russevase — русская весь. „Такимъ образомъ“, заключаетъ г. Забѣлинъ, — „въ отношеніи имени *Рус* и *Рос*, мы находимъ, что оно господствуетъ (!) въ Померанской странѣ и составляетъ ея родное земское имя. Встрѣчается *Ру* и *Рум*, но несравненно рѣже. Пусть Нѣмцы и западные люди писали и произносили это имя Руяна и Рана, но на востокѣ, у насъ на Руси, оно могло быть извѣстнымъ только въ формѣ Руси. Можно полагать, что Руги въ сущности была военная и необходимо морская сила всего Поморья, подобно нашимъ Запорожцамъ относительно всего русскаго юга. По этой причинѣ и наша лѣтопись знаетъ въ числѣ своихъ Варяговъ особое племя Русь, откуда, по ея словамъ, и были призваны наши первые князья“.

И вотъ г. Забѣлинъ слѣдитъ за этою „Русью“ или за этими „Рогами“, на ихъ походѣ отъ Рюгена, на берега Волхова и Днѣпра, „останавливаясь только на ея коренныхъ звукахъ Руг, Рог, Рус, Рос, и на именахъ ея родичей Велетовъ — Волотовъ — Лютичей съ ихъ священными словами Витъ, Радъ и различными другими именами балтійскаго Славянства“. И такъ, мы видимъ, какъ эта варяжско-вендская Русь останавливалась въ земляхъ прусскихъ и литовскихъ, между устьемъ Вислы и Нѣмана, напримѣръ, въ Розенбергѣ, Росситенѣ, Рагнитѣ, Россіенахъ, Виндавѣ, Ротгофѣ, дальше уже посреди Чуди въ Рунге, Руно, Венденѣ, Ругодивѣ (нынѣ Нарвѣ). Наконецъ, Русь прибываетъ въ славянскіе края около Ильмена и поселяется въ Новгородѣ, въ Славнѣ, въ Рогатицѣ, Щетиницѣ, и улицѣ Варяжской, Росткиной (по мекленбургскому Ростоку!), около урочищъ Звѣринца (по мекленб. Звѣрину), Ракома (=Аркона), Витославичей и др. Русь направляется на югъ и останавливается въ Велегощѣ, Радгощѣ, на Ругійскомъ Мху, у Волотова. Дальше дорога изъ Ильмена къ Днѣпру именуется Ловотью, чтѣ переименовано тоже изъ слова Волоть (sic), около Волковского лѣса, Витебска (напоминаетъ рюгенскаго Вита) Рѣши (Орши) и рѣки Прони (напоминаетъ Проне—Перуна), къ Рогачеву и Мысльему Рогу. Русь прибываетъ въ Кіевъ, и здѣсь ближе рѣки Роси (Рѣси) воздвигается Витичевъ холмъ, несомнѣнно праправнукъ Вита. Но и этотъ праправнукъ Вита не останавливаетъ безпокойной Руси; она шагаетъ на востокъ черезъ Рославль и Радогощъ къ рѣкамъ Рѣсѣ и Не-Русѣ, и къ Расторогу на верховьяхъ Оки, къ Рязани, Рязску, и опять Проней въ Пранову (указываетъ несомнѣнно велетское имя Перуна). Удалые русскіе молодцы проникли и дальше на сѣверъ, въ земли рыжей Чуди до самаго Бѣлаго моря, и вотъ здѣсь ихъ память возглашаютъ рѣки, озера, болота, мѣста Рускола, Росо-Мохъ, Ругозерская губа и пр. до самаго Волитова городища на западной сторонѣ Ледовитаго поморья.

Порядочное путешествіе! Можно порядкомъ устать, провожая Русь черезъ эти моря глубокія, рѣки широкія, лѣса дремучіе, горы толкучія. Но можно было бы провести ее и еще дальше, на западъ, въ землю Аппяпъ въ Rochdale, Wiltshire и Wight, въ земли Пѣмцевъ и Корляговъ въ Rothenburg, Wittenberg, Rouen, Rütli, въ землю Волошскую къ Roselle и Reggio, въ Илирикъ къ Rausium (Ragusa), въ Рисно и Расъ, и такъ далѣе на востокъ до предѣла Симова.

Но шутки въ сторону. Неужели г. Забѣлинъ серьезно думаетъ,

что можно *такимъ образомъ* „отыскивать“ Русь? Неужели онъ считаетъ приведенныя имъ географическія названія „слѣдами очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей, поклонявшихся Виту, Радегосту, Перупу подъ именемъ Прона или Прана, носившихъ имя Волотовъ, Вендовъ, Руговъ—Роговъ, Русовъ—Росовъ?“ Правда, авторъ не настаиваетъ, что всѣ приведенныя имена непремѣнно обозначаютъ слѣды именно этихъ Волотовъ—Вендовъ и пр., и соглашается, что нѣкоторые изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ. Но не смотря на эту оговорку, авторъ все-таки очень дорожитъ приведеннымъ имъ аппаратомъ. Между тѣмъ, было бы болѣе полезно для самого автора, еслибъ онъ не отыскивалъ ни Руси въ Розенбергѣ (1) или Ругодинѣ, ни Перуна въ Пронѣ и Прановѣ, ни „Радегаста“ и „Свѣто-Вита“ въ разныхъ Радогостахъ и Витичевахъ. Тѣмъ болѣе выиграла бы интересная его книга. Мы согласны съ почтеннымъ авторомъ, что эту сѣдую древность действительно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, но избранный имъ для этого путь не ведетъ—въ *наше* время—ни къ какому положительному результату, не ведетъ къ открытію „Руси“ на берегахъ Варяжскаго моря“, а лишь еще больше запутываетъ и безъ того темный вопросъ.

Много храбрыхъ Русичей полегло на поляхъ брани, въ странахъ черноморскихъ и балтійскихъ, днѣпровскихъ, волжскихъ и дунайскихъ; ихъ слава доходила до Грековъ и Угровъ, Ляховъ и Чеховъ и Моравы; ихъ души составляютъ въ славянскомъ раю, въ славянской навѣ большинство. Еслибъ они оттуда прилетѣли на землю Святорусскую, то навѣрное испугались бы громаднаго ученаго аппарата, свезеннаго внуками Дажбога и внуками Одина съ Лабы, Одры, Вислы и Дуная, изъ Даніи и Скандинавіи, для объясненія ихъ старинныхъ преданій и учреждений. Испугались бы они этого „варяжскаго вопроса“, заревѣли бы яркими турами, закукали бы зевзцами, услыхавъ, какъ кликну кара, и жля поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ, увидавъ, какъ мудреный этотъ вопросъ рѣшаютъ между Чахи и Ляхи. Поклялись бы они Перуномъ и Волосомъ—не вернуться уже на землю Русскую, гдѣ начаша про малое: „Се великое!“ мльвити, и сами на себе крамолу ковати. Попросили бъ они Стрибожихъ внуковъ занести ихъ обратно въ рай, гдѣ ихъ славу поютъ Боянъ и Митуся, Люмиръ и Добрыта, гуслары отъ моря Варяжскаго и отъ Андриатинской пучины, и гдѣ Русь, Ляхъ и Чехъ,

Хорватъ, Кракъ, Кій и Гостомысль, съ своихъ золотыхъ отнихъ и дѣднихъ столовъ, удивляются своимъ ученымъ внукамъ. Попросили бы Русичи своего князя-освободителя, Руса, избавить и своихъ младшихъ внуковъ отъ навязываемаго имъ чужеземнаго начала; попросили бы они этого любимца боговъ ходатайствовать у Сварожича-Дажбога и у его брата Сварожича-Свалтовита, чтобъ они своими святыми свѣтомъ озарили книгохранилища и скорѣе открыли веткіе подлинники договоровъ Олега и Игоря и древній сводъ русскихъ лѣтописей, которымъ пользовался ученый Лихъ Длугошъ, и чтобъ они такимъ образомъ помогли своимъ внукамъ порядъ положить о Русьскѣй земли. А то при мерцаніи свѣтилъ Лаврентьевскаго и Ипатіевскаго, жизнь Дажьбожа внука погибаетъ въ морѣ Варяжскомъ.

І. Первольфъ.